

A dramatic black and white photograph of a lighthouse on a rocky cliff. The lighthouse is tall and cylindrical with a glowing light at the top. To its right is a large, multi-story house with a dark roof and several windows, some of which are lit. Two seagulls are flying in the sky above the house. The foreground is a dark, rocky cliff face. The overall mood is somber and atmospheric.

НИКОЛАС СПАРКС

Чудо любви

Джереми Марш

Николас Спаркс

Чудо любви

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Спаркс Н.

Чудо любви / Н. Спаркс — «Издательство АСТ»,
2005 — (Джереми Марш)

ISBN 978-5-17-039127-1

Известный американский журналист Джереми Марш не верит в чудеса и паранормальные явления – он специализируется на разоблачении самопровозглашенных «магов», «контактеров» и «медиумов». И поездка в маленький провинциальный городок, где по местному кладбищу якобы бродят привидения, для него лишь очередное редакционное задание. Но именно там, в самом сердце Юга, Джереми переживает истинное чудо – любовь к необычной, мечтательной молодой женщине Лекси. Любовь полностью меняет жизнь Марша. Но готов ли он порвать с прежней жизнью и научиться верить не разуму, а сердцу?.. Готов ли поверить в чудо любви?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-039127-1

© Спаркс Н., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николас Спаркс

Чудо любви

Эта книга – художественное произведение. Все имена, герои, места и события, описанные в этой книге, вымышленны. Любые совпадения с реально существующими людьми и произошедшими событиями случайны

Печатается с разрешения Willow Holdings, Inc. и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

Nicholas Sparks

TRUE BELIEVER

© Nicholas Sparks, 2005

© Перевод. Н. А. Огиенко, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

В тот декабрьский день, сидя среди зрителей в студии ток-шоу, шедшего в прямом эфире, Джереми Марш чувствовал, что как никогда выделяется в общей массе: подавляющее большинство аудитории составляли женщины – мужчин на зрительских трибунах было меньше десятка. Одетый, как всегда, во все черное, с темными вьющимися волосами, голубыми глазами и трехдневной щетиной по моде, Джереми выглядел стопроцентным ньюйоркцем, каким и был на самом деле. Внимательно следя за вещавшим со сцены гостем программы, он успевал поглядывать на привлекательную блондинку, сидевшую тремя рядами выше его. Его профессия требовала особой наблюдательности – умения все вокруг видеть и замечать. Джереми был журналистом, проводившим собственные расследования, а блондинка – одной из зрительниц, и, как настоящий профессионал, он, конечно же, не мог не заметить, насколько эффектно она выглядела в открывающем плечи топе и джинсах.

Кинув еще несколько взглядов на блондинку, Джереми решил сосредоточить внимание на госте программы – медиуме Тимоти Клоузене. Спектакль, который тот разыгрывал на сцене, должен был, по мнению Джереми, вызвать смех у любого здравомыслящего человека. Клоузен замер в торжественном ожидании, делая вид, будто прислушивается к голосам из загробного мира, и на его сосредоточенном лице, освещенном яркими лампами студии, застыло напряжение. Он вел себя так, будто все зрители уже стали его лучшими друзьями и между ним и каждым из них установились теплые, доверительные отношения. Подавляющее большинство зрителей – в том числе и привлекательная блондинка, и женщина, для которой в данный момент Клоузен проводил сеанс спиритизма, – смотрели на него с благоговением, как на посланца небес.

«Да, именно небес», – подумал Джереми. Ведь все люди уверены, что души их умерших близких находятся на небесах. Души, вызываемые медиумом на спиритических сеансах, всегда являются ему в ярком ангельском сиянии и излучают покой и умиротворение. Никогда еще Джереми не доводилось слышать, чтобы медиум вызывал души из другого, более жаркого места. Как ни цинично об этом думать, но на его памяти еще ни одна душа, «вызванная» с того света, не рассказала, как ее поджаривают на вертеле или варят в кипящем масле. Впрочем, нельзя было не признать, что шоу Тимоти Клоузена выгодно отличалось от других подобных спектаклей. Клоузен был неплохим артистом, чего никак не скажешь о большинстве шарлатанов, о которых часто приходилось писать Джереми.

– Я знаю, вам сейчас будет нелегко, соберитесь с духом, – проникновенно сказал в микрофон Клоузен. – Фрэнк передает вам, что наступил час вашего последнего прощания.

Женщина, к которой он обратился, казалось, была на грани обморока. Дама лет пятидесяти в экстравагантной блузке в зеленую полоску и с беспорядочно торчавшими во все стороны рыжими кудрями прижимала сцепленные в замок руки к груди, стискивая их с такой силой, что побелели пальцы.

Клоузен выдержал паузу, а затем торжественно положил руку себе на лоб, «входя в контакт с потусторонним миром», как он это называл. В студии воцарилась тишина, и все зрители в напряженном ожидании подались вперед. Эта женщина была уже третьей зрительницей, которую Клоузен выбрал для демонстрации общения с душами умерших, и все присутствующие знали, что вот-вот произойдет. Тимоти Клоузен был единственным гостем этого популярного ток-шоу, и все внимание публики сосредоточилось только на нем.

– Вы помните письмо, которое вам написал Фрэнк? – спросил Клоузен. – Незадолго до смерти.

Женщина широко раскрыла глаза, потрясенная. Ассистент, державший перед ней микрофон, придвинул его еще ближе к ее губам, чтобы ни одно ее слово не ускользнуло от зрителей.

– Д-да. Но как вы узнали, что?.. – заикаясь, произнесла женщина.

– А вы помните, что было написано в том письме? – спросил Клоузен, не дав ей договорить.

– Конечно, – с трудом выдавила она.

Медиум удовлетворенно кивнул, всем своим видом показывая, что и ему самому было прекрасно известно содержание письма.

– В нем шла речь о прощении, не так ли? – уточнил он.

Ведущая сидела в это время на диванчике, переводя изумленный взгляд с Клоузена на женщину и обратно. Было заметно, что она потрясена и в то же время чрезвычайно довольна происходящим: успешное выступление медиума должно было, несомненно, способствовать повышению рейтинга передачи.

Женщина молча кивнула, и Джереми увидел, как по ее щекам потекли ручейки слез, окрашенные черной тушью. Камера показала ее лицо крупным планом. Вот он, очередной душеспитательный момент телевизионного ток-шоу в прямом эфире!

– Но как вам удалось?.. – снова начала женщина.

– Он говорил не только о себе... но и о вашей сестре, – проигнорировав вопрос, тихо сказал Клоузен.

Собеседница смотрела на медиума как замороженная.

– О вашей сестре Эллин, – пояснил он.

После этих слов женщина была уже не в силах сдерживать рыдания, и слезы градом показались из ее глаз. Клоузен – в строгом черном костюме, безупречно причесанный – опять удовлетворенно закивал, как игрушечная собачка, которую многие водители ставят у лобового стекла в автомобиле. Все смотрели на женщину, храня гробовое молчание.

– Фрэнк оставил вам на память еще кое-что. Нечто из вашего далекого прошлого.

Несмотря на то что от ярко горевших ламп в студии было очень жарко, лицо женщины сделалось мертвенно-бледным. Сидевший в стороне, вне поля зрения телекамер, администратор ток-шоу покрутил поднятым вверх указательным пальцем, очевидно, давая медиуму понять, что пора закругляться: приближалось время рекламной паузы. Клоузен краем глаза уловил поданный ему сигнал. Очевидно, никто, кроме Джереми, этого не заметил. Его всегда удивляло то, что зрители подобных передач никогда не задаются вопросом, каким образом удается согласовывать по времени общение с загробным миром и рекламные паузы.

Клоузен снова заговорил:

– Он оставил вам одну вещь, которая имела значение только для вас двоих. Никто, кроме вас, об этом не знал. Это был ключ, да?

Женщина кивнула, не переставая рыдать.

– Вы даже не подозревали, что он его сохранил. Верно?

«Вот еще одна жертва ловкого шарлатана, – подумал Джереми. – Еще один человек, ослепленный любовью и готовый поверить в чудо».

– Это ключ от гостиничного номера, в котором вы провели медовый месяц. Он оставил его вам, чтобы вы вспомнили дни, когда были так счастливы вместе. Он любил вас и не хотел, чтобы воспоминания причиняли вам боль.

– О боже!.. – простонала женщина.

Больше Джереми ничего не смог разобрать, поскольку в следующий миг рыдания потрясенной зрительницы были заглушены восторженными аплодисментами, ассистент убрал микрофон, и камеры перестали ее показывать. Женщина, к которой никто уже не проявлял инте-

реса, в изнеможении опустилась на место, и тут же вступила ведущая. Она поднялась со своего диванчика и с улыбкой сказала в камеру:

– Дорогие телезрители! Напоминаем вам: все, что вы сейчас видите, происходит в прямом эфире. Никто из участников нашего ток-шоу не был знаком и никогда раньше не встречался с Тимоти Клоузен. Через несколько минут мы продолжим передачу. Оставайтесь с нами!

Опять раздались аплодисменты, и шоу прервалось на рекламную паузу. Джереми откинулся на спинку кресла. Он часто писал о таких людях, как Клоузен, и статьи, разоблачавшие различного рода мошенников и шарлатанов, принесли ему известность. Джереми любил свою работу, гордился ею и считал профессию журналиста одной из самых важных в демократическом обществе – недаром права журналистов были зафиксированы в Первой поправке к Конституции США.

В «Сайентифик американ» у Джереми была постоянная колонка, там он помещал интервью с лауреатами Нобелевской премии, а также научно-популярные статьи, в которых знакомил читателей с теориями различных ученых – от Стефана Хоукинга до Эйнштейна. Однажды благодаря его статье, всколыхнувшей общественность, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов изъяло из продажи опасные антидепрессанты. Джереми писал о проекте «Кассини», о дефекте, допущенном при изготовлении зеркала космического телескопа «Хаббл», и был одним из первых, кто с самого начала поставил под сомнение сообщение ученых из Юты, заявивших о решении проблемы «холодного ядерного синтеза».

Однако несмотря на общественную значимость, колонка в «Сайентифик американ» не приносила Джереми большого дохода, и поэтому в последние пятнадцать лет ему в основном приходилось рассчитывать на заработок фрилансера. Как и все журналисты-фрилансеры, Джереми постоянно находился в поиске сенсационных материалов, которые могли бы привлечь внимание редактора газеты или журнала. Он максимально расширил сферу своих интересов и старался делать акцент на «всем, выходящем за рамки обычного». К этой категории относились разного рода медиумы, целители и экстрасенсы. Джереми разоблачал обманы, подтасовки и мистификации. Он посещал «дома с привидениями», занимался поиском «сверхъестественных» существ, выяснял происхождение зловещих городских легенд. Джереми был скептиком по натуре и обладал редкостным умением излагать сложные научные концепции доступно и понятно. Его статьи печатались в сотнях газет и журналов по всему миру. Он считал, что делает важное и благородное дело, однако у многих его деятельность вызывала крайнее раздражение. Очень часто после выхода в свет очередной разоблачительной статьи на Джереми обрушивалась лавина возмущенных писем, обильно приправленных ругательствами. Его называли недоумком, бездарностью и – ни больше ни меньше – купленным властями журналюгой, что даже не обижало, а смешило нелепостью.

Джереми давно понял, что журналист, проводящий собственные расследования, едва ли может рассчитывать на благодарность читателей.

Размышляя обо всем этом, он сидел, с хмурым видом наблюдая за зрителями, которые оживленно беседовали, гадая, кого выберет медиум для следующего сеанса. Джереми бросил быстрый взгляд на блондинку и увидел, что та, глядя в зеркальце, проверяет макияж.

Он абсолютно точно знал: все, кого Клоузен выбирал в зале, действительно обычные зрители, а не заранее подготовленная «подсадка». Объявление о ток-шоу с участием Тимоти Клоузена вызвало невероятный ажиотаж, и билеты разошлись моментально. А это означало, что в студии собрались убежденные адепты спиритизма – люди, верящие в загробную жизнь. Никто из зрителей не усомнился бы в том, что Клоузен действительно вступал в контакт с душами их умерших близких: ведь он сообщал такие подробности, какие, по их мнению, никак иначе нельзя было узнать. Однако на самом деле этот человек был не более чем ловким мошенником,

а его спиритические сеансы – элементарным, но хорошо подготовленным надувательством. Джереми удалось не только разузнать, как Клоузен добывал необходимую информацию, но и сделать компрометирующие снимки, необходимые для уличения шарлатана.

Кто-то должен был наконец развенчать бессовестного прохвоста, и Джереми был рад, что именно ему представилась такая возможность. Он хотел максимально использовать этот шанс – как из чувства справедливости, так и из профессионального честолюбия. Разоблачение медиума-шарлатана должно было стать самым громким журналистским расследованием за последнее время. Тимоти Клоузен находился на пике популярности, а для громкого скандала это одно из важнейших условий.

Хотя Джереми знал, что чудес не бывает, он не мог удержаться от того, чтобы не пофантазировать, как будут развиваться события, если сейчас, после перерыва, Клоузен выберет его самого. Однако подобная вероятность была очень мала. Это было бы слишком большой удачей, сравнимой разве что с шансом получить крупный выигрыш по ставке в «тройном экспрессе» на скачках в Санта-Аните. Как бы то ни было, Джереми знал: в любом случае материал, разоблачающий Клоузена, у него уже есть, и его будет вполне достаточно для интересной и убедительной статьи. В то же время он не мог не думать о том, что это разоблачение могло стать действительно эффектным и сенсационным, если бы Клоузен выбрал для следующего спиритического сеанса именно его. Но в данном случае это зависело исключительно от везения – от каприза слепой фортуны.

Когда рекламная пауза закончилась, Джереми затаил дыхание и взволнованно посмотрел на Клоузена, не переставая в глубине души надеяться на то, что удача все же ему улыбнется. Это было фантастическим везением, но, словно самому Богу надоело смотреть на бессовестный фарс шарлатана, и он решил воздать ему по заслугам, Клоузен сделал именно то, чего ждал от него Джереми.

* * *

Прошло три недели. Зима продолжалась, и на Манхэттене было довольно холодно. Надвинувшийся с территории Канады холодный фронт вызвал понижение температуры почти до нуля градусов. На улицах над канализационными решетками поднимался пар, оседавший на тротуарах и покрывавший их ледяной коркой. Однако никто не обращал на это внимания. Жители Нью-Йорка, как всегда, демонстрировали полное равнодушие к капризам погоды. А в пятницу никакие обстоятельства не смогли бы заставить их отказаться от своих планов – например, приятно провести вечер в кругу друзей после напряженной трудовой недели. Особенно если для этого имелся повод.

Вечеринка, устроенная в честь триумфа Джереми, длилась уже около часа. Помимо Нейта Джонсона и Элвина Берстейна, в баре собрались еще два десятка человек – друзья и коллеги Джереми, в том числе журналисты из «Сайентифик американ». Многие из них уже вовсю веселились, беззаботно потягивая напитки: за все платил Нейт, и журналисты, как всегда, были рады возможности хорошо провести время без ущерба для своего кошелька.

Нейт был агентом Джереми, а Элвин, фотограф-фрилансер, его лучшим другом, и все они собрались сейчас в модном баре в Верхнем Вест-Сайде, чтобы отметить выступление Джереми на канале Эй-би-си в прямом эфире передачи «Прайм-тайм». Всю неделю по телевидению крутили рекламные ролики, где крупным планом давали лицо Джереми и обещали его сенсационное выступление. В офис Нейта нескончаемым потоком поступали заявки на интервью с Джереми. Сегодня днем был звонок из журнала «Пипл», и на утро понедельника уже назначили очередное интервью.

Несмотря на то что Нейт не успел зарезервировать отдельный зал, вечеринка вполне удалась. За длинной стойкой было полно народу, а фантастическое освещение и атмосфера этого

излюбленного бара нью-йоркских яппи располагали к тому, чтобы хорошо провести вечер. Журналисты из «Сайентифик американ», одетые в твидовые пиджаки с карманами, сгрудились в углу зала и увлеченно спорили, обсуждая научные темы. Большинство других посетителей бара, судя по их виду, завернули сюда не иначе как после рабочего дня на Уолл-стрит или Мэдисон-авеню. Пиджаки их итальянских костюмов были небрежно брошены на спинки стульев, узлы галстуков от «Гермес» ослаблены, а их обладатели, поблескивая «Ролексами», заинтересованно поглядывали на находившихся в баре женщин. Женщины же, пришедшие сюда после работы в издательствах и рекламных агентствах, демонстрировали оригинальные дизайнерские юбки и туфли на невероятно высоких каблуках и неспешно потягивали мартини, делая вид, будто совершенно не замечают мужчин. Сам Джереми обратил внимание на высокую рыжеволосую девушку, которая тоже кидала на него быстрые взгляды. Он спросил себя, чем был вызван ее интерес к его персоне: видела она его в рекламном ролике по телевизору или же просто искала компанию на вечер? Девушка отвернулась, старательно демонстрируя равнодушие, но потом снова посмотрела в его сторону. На этот раз она задержала взгляд немного дольше, и Джереми приподнял бокал.

– Джереми, не отвлекайся, – сказал Нейт, толкая его локтем. – Тебя же показывают по телевизору! Ты что, не хочешь еще раз пережить свой звездный час?

Джереми отвернулся от рыжеволосой девушки и стал смотреть на экран. Он увидел себя напротив ведущей Дианы Сойер, и у него возникло ощущение нереальности происходящего – словно он одновременно находился в двух разных местах. Да и вообще события последних трех недель казались не совсем обычными, хотя он давно вращался в сфере СМИ и действовавшие здесь законы были ему хорошо известны.

На экране Диана представляла Джереми зрителям как «одного из самых авторитетных в Америке журналистов, пишущих на темы, связанные с наукой». Это действительно был его звездный час: ему не только удалось осуществить все задуманное, но произвести такой фурор, что теперь ему предлагали постоянное сотрудничество с «Прайм-тайм», а также эфир в передаче «Доброе утро, Америка!». Это был большой успех, который не мог не вызывать зависть. Несмотря на то что многие журналисты считают участие в телевизионных шоу менее серьезным занятием, чем написание статей, большинство все же втайне жаждет попасть на телевидение, грезя об огромных деньгах. Коллеги сердечно поздравляли Джереми, однако он чувствовал, что атмосфера пропитана завистью, с которой ему раньше не приходилось сталкиваться, ведь никто из его знакомых журналистов еще не добивался такого успеха на телевидении.

– Она действительно назвала тебя одним из самых авторитетных в Америке журналистов? – спросил Элвин. – А ведь ты пишешь о снежном человеке и пропавшей Атлантиде!

– Тсс, помолчи, не мешай слушать! – прошипел Нейт, не сводя глаз с экрана. – Все, что сейчас говорится, может оказаться важным для дальнейшей карьеры Джереми.

Как добросовестный и дальновидный агент, Нейт старался не упускать из виду ничего, что могло бы оказаться «важным для дальнейшей карьеры Джереми», поскольку – как ему прекрасно было известно – работа журналиста-фрилансера была не очень доходной. Они познакомились много лет назад, когда Джереми подал Нейту заявку на опубликование задуманной им книги. С тех пор они и работали вместе, став друзьями.

– Как будет угодно, – миролюбиво сказал Элвин, – я с удовольствием помолчу.

Передача продолжалась, и на экране, находившемся в студии позади Дианы Сойер и Джереми, стали показывать финальные кадры дневного ток-шоу с участием Тимоти Клоузена. Джереми, которого медиум выбрал для спиритического сеанса, изображал человека, тоскующего по своему умершему в детстве брату.

– Я слышу его, – провозгласил Клоузен. – Ваш брат хочет говорить с вами, Тед.

Камера показала крупным планом искаженное страданием лицо Джереми. Клоузен на заднем плане ритмично кивал, напряженно глядя перед собой.

– Ваша мама решила ничего не менять в той комнате, где вы жили с братом, – продолжал Клоузен. – Она хотела, чтобы все там оставалось так, как было при его жизни, а вы должны были по-прежнему спать там.

– Да, – сдавленно прошептал Джереми.

– Но вам было страшно в той комнате, и однажды, рассердившись, вы взяли одну принадлежавшую брату вещь – очень личную вещь – и закопали ее за домом в саду.

– Да, – с трудом произнес Джереми. Казалось, от эмоционального потрясения он не в состоянии говорить.

– Ваш брат любит вас, и вы должны знать, что он пребывает сейчас в вечном покое. Он не держит на вас зла...

– О-о-о! – простонал Джереми, старательно изображая невероятные душевные муки.

Нейт сосредоточенно смотрел на экран, наблюдая за происходящим. Элвин, напротив, хохотал от души.

– Джереми, ты должен получить «Оскара» за лучшую мужскую роль! – закричал он, подняв бокал с пивом.

– Да, кажется, получилось весьма впечатляюще, – усмехнулся Джереми.

– Эй вы, двое, – сердито бросил Нейт, – помолчите, пожалуйста! Все разговоры – во время рекламной паузы.

– Как будет угодно, – снова сказал Элвин: это было одно из его любимых выражений.

Кадры спиритического сеанса Клоузена закончились, и камера снова сосредоточилась на Диане Сойер и Джереми, сидевших друг против друга.

– Так, значит, все, что Тимоти Клоузен рассказал о вас и о вашем брате, не соответствует действительности? – спросила Диана.

– Абсолютно все, – подтвердил Джереми. – Как вам известно, зовут меня не Тед. У меня пятеро братьев, и все они живы и здоровы.

Ведущая слегка постукивала ручкой по лежащему на коленях блокноту, словно собираясь что-то записывать.

– В таком случае расскажите нам, в чем секрет спиритических сеансов Клоузена.

– Сейчас я все расскажу, Диана, – ответил Джереми.

Элвин приподнял украшенную пирсингом бровь и наклонился к Джереми:

– Ты называл ее просто «Диана»? Как быстро вы с ней подружились...

– Неужели нельзя хоть немного помолчать?! – возмутился Нейт.

Тем временем на экране телевизора Джереми продолжал рассказывать:

– Приемы, которые использует Клоузен, известны уже сотни лет. Он неплохой психолог – понимает, что хочет услышать от него человек, и умеет создать эмоциональное напряжение своими таинственными намеками.

– Да, но ведь он всегда ссылается на конкретные факты, имена. Как ему удастся получить эту информацию?

– Все очень просто, – пожал плечами Джереми. – Что касается меня, то перед началом ток-шоу Клоузен слышал, как я рассказывал историю о несуществующем брате Маркусе, которого у меня никогда не было. Вообще-то люди, подобные Клоузену, используют различные способы для получения необходимой информации – например, подслушивающие устройства – или специально нанимают людей, которые смешиваются со зрителями перед началом шоу. Именно поэтому, прежде чем нас рассадили по местам, я походил по вестибюлю, где мы ожидали начала ток-шоу, и беседовал с людьми, наблюдая, кто проявит к моему рассказу повышенный интерес. Таким образом мне удалось вычислить одного человека.

В этот момент на экране в студии появился увеличенный фотоснимок, сделанный Джереми с помощью миниатюрного фотоаппарата, встроенного в наручные часы. Эту шпионскую игрушку он приобрел за счет журнала «Сайентифик американ» как оборудование, необходи-

мое для проведения журналистского расследования. Джереми обожал подобные игрушки, особенно если их удавалось приобрести за счет фирмы.

– Что вы хотите продемонстрировать нам на этой фотографии? – спросила Диана.

Джереми указал на мужчину:

– Этот человек выдавал себя за обычного зрителя, приехавшего из Пеории. Он прохаживался по вестибюлю, знакомился с другими и слушал, что они скажут. Я сфотографировал его во время нашего разговора перед началом шоу. Сделайте еще крупнее, пожалуйста.

Фотография на экране увеличилась, и Джереми приблизился к ней.

– Вы видите на отвороте его пиджака маленький значок? Это не просто украшение. На самом деле это микрофон с крошечным радиопередатчиком, позволяющим подслушивать и записывать разговор.

Диана наморщила лоб:

– Но как вам стало об этом известно?

– Дело в том, – приподняв бровь, сказал Джереми, – что по счастливой случайности у меня есть точно такая же вещица. – Он полез в карман и достал значок с прикрепленным к нему длинным тонким проводом и радиопередатчиком. – Это подслушивающее устройство произведено в Израиле. Я слышал, такие радиопередатчики использует ЦРУ, но, разумеется, не могу этого утверждать с полной уверенностью. Однако несомненно, что устройство является одним из новейших достижений в области высоких технологий. Оно позволяет записывать разговор в шумном многолюдном помещении и с помощью специальной системы фильтров удалять посторонние звуки.

Ведущая с нескрываемым восхищением разглядывала миниатюрное устройство.

– Но вы уверены в том, что у того человека на отвороте пиджака был действительно микрофон, а не простой значок?

– Да, абсолютно. Я довольно давно начал следить за Клоузеном, собирая против него материал, а через неделю после того ток-шоу мне удалось сделать несколько очень любопытных снимков.

На экране появилась новая фотография, и, хотя изображение было слегка размытым, не возникало никаких сомнений, что на ней был запечатлен тот же мужчина со значком на отвороте пиджака, которого Джереми сфотографировал перед ток-шоу.

– Снимок сделан мной во Флориде, возле офиса Клоузена. Как видите, этот человек собирается зайти внутрь. Его имя Рекс Мур, и он уже два года работает на Клоузена.

– Гениально! – воскликнул Элвин, и все остальные (в том числе и те, кого просто раздражало от зависти) разделили его восторг, заглушив криками заключительную часть шоу. Угощение, как всегда, сделало свое дело, и после окончания передачи все кинулись к Джереми с поздравлениями.

– Ты был восхитителен, – сказал Нейт.

В свои сорок три года невысокий, лысоватый Нейт был довольно упитан и предпочитал носить пиджаки, с трудом застегивавшиеся у него на животе. Как и все агенты, Нейт был неискрываемым оптимистом, и его энергия всегда была через край.

– Спасибо, – ответил Джереми, допивая пиво.

– Это поворотный момент в твоей карьере, – продолжал Нейт. – У тебя появилась реальная возможность устроиться на телевидении. Ты не должен упустить этот шанс. Тогда можно будет плюнуть на внештатную работу в журналах и перестать охотиться за историями об НЛО. Я всегда говорил: с такой внешностью ты просто создан для телевидения.

– Да, это так, – со вздохом подняв к потолку глаза, согласился Джереми, – ты всегда это говорил.

– То-то и оно. Сейчас продюсеры «Прайм-тайм» и «Доброе утро, Америка!» обрывают мой телефон, предлагая тебе сотрудничество. Вот он, настоящий успех! Работа в популярных шоу! Ведь это мечта каждого репортера!

– Я журналист, а не репортер, – возразил Джереми.

– Да какое это имеет значение? – махнул рукой Нейт, словно отгоняя муху. – Я уже устал повторять: ты должен работать на телевидении, у тебя внешность настоящей телезвезды.

– И все-таки Нейт прав, – вмешался в разговор Элвин, хитро подмигнув Джереми. – Чем еще можно объяснить то, что ты, несмотря на свое занудство, больше меня нравишься женщинам?

Джереми расхохотался. Его закадычный друг-фотограф абсолютно не соответствовал своему имени – то есть был совсем не таким, каким, казалось, должен быть человек по имени Элвин Берстейн. Он ничуть не походил на благопристойного, аккуратно одетого бухгалтера в очках, эдакого типичного офисного служащего в туфлях «Флоршейм», спешащего по утрам на работу с портфелем. Элвин, еще подростком посмотрев «Околесицу» Эдди Мерфи, стал одеваться только в кожу и до сих пор сохранил верность этому стилю, шокировавшему его отца – Мелвина Берстейна, носившего туфли «Флоршейм» и ходившего на работу с портфелем. Кожаная одежда прекрасно сочеталась с татуировками, покрывавшими руки Элвина до самых плеч: он считал это ярким выражением своей индивидуальности, так же как и пирсинг, – у него на ушах практически не осталось свободного места.

– Слушай, Джереми, ты все еще собираешься поехать на Юг, чтобы расследовать эту загадочную историю с огнями? – настороженно спросил Нейт, и Джереми почувствовал, как его агент напрягся в ожидании ответа. – Я имею в виду, не прямо сейчас, а после интервью журналу «Пипл», естественно.

Джереми откинул рукой спадающие на глаза темные волосы и сделал знак бармену налить еще пива.

– Ну да, собираюсь. Телевидение телевидением, но пока это только планы, а мне нужно зарабатывать на жизнь. Так что пусть здесь все идет своим чередом, а я поеду собирать материал для колонки в журнале.

– Но, надеюсь, с тобой можно будет связаться? Ты ведь не заляжешь на дно, как в тот раз, когда ты занимался праведными и святыми?

Тогда Джереми работал для журнала «Вэнити фэр», тайно расследуя деятельность религиозной секты. Собирая материал для этой статьи, он целых три месяца скрывался, никому не давая о себе знать.

– Ну конечно, со мной можно будет связаться, – ответил Джереми. – Тогда был особый случай, а в этот раз нет ничего экстраординарного – всего лишь «загадочные огни на кладбище». Думаю, я управлюсь быстрее чем за неделю.

– Эй, а тебе, случайно, не нужен фотограф и оператор? – вклинился в разговор Элвин.

– А что? – покосился на него Джереми. – Тоже хочешь поехать?

– Черт, ты еще спрашиваешь! Кто не хочет поехать на Юг среди зимы! И ведь если повезет, наверняка можно будет подцепить какую-нибудь красотку. Я слышал, женщины там просто умопомрачительные. Так что, думаю, это будет незабываемое путешествие, тем более что твой журнал оплатит нам все расходы.

– Но ведь ты, кажется, собирался на следующей неделе делать фотографии для журнала «Закон и порядок»? – спросил Джереми.

Несмотря на свой имидж, Элвин был профессионалом с безукоризненной репутацией, и его услуги пользовались большим спросом.

– Да, но к концу недели я уже освобожусь, – ответил он. – И вот тебе мой совет: если ты и в самом деле серьезно подумываешь о работе на телевидении, тебе не помешало бы снять сюжет об этих таинственных огнях.

– Я вообще не уверен, что там найдется что снимать.

– Ну так дай мне знать, когда все там осмотришь. Я на всякий случай не буду ничего планировать на конец недели.

– Но даже если огни действительно есть, все равно эта история на сенсацию не потянет, – предупредил Джереми. – Никто на телевидении ею не заинтересуется.

– Раньше, возможно, и не заинтересовались бы, но теперь совсем другое дело, – возразил Элвин. – После этого шоу тебе обеспечено повышенное внимание. Ты что, не знаешь, как это происходит на телевидении? Продюсеры гонятся за свежими проектами, боясь отстать друг от друга и упустить что-нибудь новенькое. Так что, если сегодня тебя приглашают на «Доброе утро, Америка!» – значит, завтра жди звонка с шоу «Тудэй», а потом с «Дэйтлайн» и так далее. Каждый продюсер больше всего боится оказаться в пролете. Никому ведь не хочется потом чувствовать себя идиотом и оправдываться перед директором канала за то, что был упущен чертовски перспективный проект. Уж поверь мне, я знаю, что говорю – ведь я не первый год работаю на телевидении. И я прекрасно знаю этих людей.

– Он прав, – поддержал фотографа Нейт. – Неизвестно, как дальше будут складываться обстоятельства, но в любом случае тебе не помешало бы закрепить успех. Если снимешь видео-сюжет об этих огнях, то, возможно, он станет для тебя постоянным пропуском на телевидение.

Джереми с усмешкой посмотрел на своего агента:

– Ты серьезно? Да это же пустяковая история. Я решил туда съездить только ради того, чтобы хоть немного отдохнуть после Клоузена. Я посвятил этому расследованию целых четыре месяца своей жизни.

– Дело того стоило, – сказал Нейт, положив руку на плечо Джереми. – Ты сумел заинтересовать телепродюсеров. И теперь, даже если эта новая история окажется чепухой, при умелой подаче материала и наличии хорошо снятого видеосюжета она вполне может сгодиться для телевидения.

Джереми помолчал, размышляя, и наконец пожал плечами:

– Ладно. – Он посмотрел на Элвина. – Я уезжаю во вторник. Если сможешь, приезжай в пятницу. Я позвоню тебе, и мы обговорим все детали.

Элвин взял свой бокал и отхлебнул пива.

– О, черт возьми, – протянул он, подражая Гомеру Пайлу¹, – меня ждет далекий край, где едят кукурузную кашу и свиные кишки. Обещаю быть скромным в своих запросах, чтобы не разорить твой журнал.

Джереми засмеялся:

– Ты когда-нибудь был на Юге?

– Нет. А ты?

– Я бывал в Новом Орлеане и Атланте, – сказал Джереми. – Но это большие города, а они, по сути, везде одинаковы. Вот маленькие городишки – совсем другое дело, они по-настоящему самобытны. Сейчас мы как раз и поедем в такой городок – Бун-Крик, штат Северная Каролина. Кстати, посмотри в Интернете сайт этого города. Там ты прочитаешь, как красиво у них цветут в апреле азалии и кизил, и увидишь фотографию их самого выдающегося земляка – Норвуда Джефферсона.

– Кто он такой?

– Политик. Был сенатором штата Северная Каролина с 1907 по 1916 год.

– И что с того?

– Да ничего, – пожал плечами Джереми. Он окинул взглядом бар и с разочарованием обнаружил, что рыжеволосая девушка уже ушла.

– Ну и где конкретно находится этот городишко?

¹ Гомер Пайл – герой одноименного сериала. – *Примеч. пер.*

– Как раз посередине между географическими точками У-Черта-На-Куличках и Черт-Знает-Где. Я планирую остановиться в гостинице «Гринлиф коттеджес». Торговая палата рекламирует ее как необыкновенно красивую, расположенную на лоне природы и в то же время вполне современную. Не знаю, правда, что именно кроется за этим описанием.

– Звучит интригующе, – засмеялся Элвин. – Что-то нас там ждет?

– Не волнуйся. Ты уж точно придешь там ко двору.

– Думаешь?

Джереми оглядел кожаный прикид, татуировки и пирсинг приятеля:

– Уверен. Все будут в восторге от твоего вида.

Глава 2

К полудню вторника, на следующий день после интервью журналу «Пипл», Джереми был уже в Северной Каролине. Когда он уезжал из Нью-Йорка, там было пасмурно, шел дождь со снегом и ожидался сильный снегопад. Здесь же до самого горизонта простиралось чистое голубое небо, и никакой зимы, казалось, не было и следа.

Изучив карту, купленную в аэропорту в магазине сувениров, Джереми узнал, что Бун-Крик находится в округе Памлико, в ста милях к юго-востоку от города Роли, и чертовски далеко от того, что принято считать цивилизацией. Пейзажи по обе стороны дороги были однообразными и невероятно скучными. Фермы чередовались с редкими вереницами ладанных сосен, движения на шоссе практически не было, и Джереми ничего больше не оставалось, как давить на газ.

Но в целом все было не так уж плохо. Можно было в полной мере насладиться ездой на автомобиле. Легкая вибрация руля, рычание двигателя и ощущение скорости, как известно, способствуют выделению в организме – особенно мужском – адреналина (однажды Джереми даже написал об этом статью). Однако проживание в мегаполисе делало личный автомобиль излишеством, и Джереми, считая приобретение такого излишества неоправданной роскошью, передвигался по городу в битком набитом метро или на раздолбанном такси с водителями-лихачами. Поездки в городском транспорте были утомительными, нервными и нередко опасными для жизни, но как человек, родившийся и выросший в Нью-Йорке, Джереми стойко переносил подобные испытания, считая их неотъемлемой частью жизни родного города.

Сейчас, ведя по шоссе автомобиль, он не мог не вспомнить о своей бывшей жене, Марии. Ей, несомненно, понравилась бы эта поездка. В первое время их совместной жизни они часто брали напрокат машину и отправлялись в горы или к морю, с удовольствием проводя в дороге долгие часы. Мария работала в журнале «Элль», и судьба свела их однажды на журналистской вечеринке. Он предложил Марии сбежать вместе с ним в находившееся неподалеку кафе. В тот момент он, конечно, не мог предположить, что она станет для него той единственной женщиной, которую ему суждено полюбить. Сначала Джереми даже пожалел, что пригласил ее в кафе: она показалась ему слишком восторженной и эмоциональной, и он решил, что у них не может быть ничего общего. Однако, поцеловав Марию у дверей ее квартиры, он понял, что не сможет больше без нее жить.

Джереми был окончательно покорен, по достоинству оценив ее пылкую натуру, интуитивное умение безошибочно «чувствовать» людей и готовность принимать его самого таким, какой он есть, со всеми недостатками. Через год они обвенчались в церкви, в присутствии многочисленных друзей и родственников. Тогда ему было двадцать шесть лет, он только начал делать карьеру, и у него еще не было своей колонки в «Сайентифик американ». Они снимали небольшую квартиру в Бруклине, и денег едва хватало на ее оплату. Для Джереми эта жизнь была «раем в шалаше», он был счастлив, полон энтузиазма и надежд на будущее. Однако Мария, как он понял со временем, была разочарована их браком, очевидно, не соответствовавшим ее представлениям о семейном счастье: их союз теоретически должен был оказаться прочным, но на самом деле основывался на шатком фундаменте. Все проблемы начались с того, что Джереми много времени проводил в разъездах, охотясь за материалом для статей. Он пропадал на несколько недель, оставляя Марию одну. Она уверяла его, что все в порядке, но стоило ему уехать, чувствовала, что не может смириться с его отсутствием. Вскоре после второй годовщины их свадьбы, когда Джереми готовился к очередной поездке, Мария присела на кровать рядом с ним и, сжав руки, посмотрела на него своими карими глазами.

– Так больше не может продолжаться, – тихо сказала она, и ее слова на мгновение словно застыли в воздухе. – Ты совсем не бываешь дома, и это несправедливо по отношению ко мне. Это несправедливо по отношению к нашему браку.

– Ты что, хочешь, чтобы я бросил журналистику? – встревожился Джереми.

– Нет. Конечно, нет. Но ведь можно найти работу, не связанную с постоянными разъездами. Например, в «Таймс». Или в «Пост». Или в «Дейли ньюс».

– Ну потерпи еще немного, ведь не всегда будет так, – умоляюще сказал он. – Скоро все образуется, и мне уже не придется так часто уезжать.

– Полгода назад ты говорил то же самое, – вздохнула Мария. – С тех пор ничего не изменилось, и мне кажется, не изменится никогда.

Теперь, оглядываясь назад, Джереми понимал: ему следовало серьезнее отнестись к этому разговору, но в то время голова его была занята статьей, ради которой ему нужно было съездить в Лос-Аламос. Мария как-то странно улыбнулась, когда он поцеловал ее на прощание, и потом, в самолете, воспоминание об этом смутно его беспокоило. Когда же он вернулся, она снова стала как будто прежней, и они беззаботно провели вдвоем уик-энд. Она заговорила о том, что хочет иметь ребенка, и Джереми на какое-то мгновение оторопел от неожиданности, но быстро пришел в себя и выразил восторг от этой идеи. Ему казалось, что он прощен и все в полном порядке. Однако наметившаяся в их отношениях трещина не исчезла – она неуклонно увеличивалась с каждой новой его отлучкой. Окончательный разрыв произошел год спустя, через месяц после визита к врачу в Верхний Ист-Сайд. То, что он им сообщил, стало фатальным для их брака.

– Мы должны расстаться, – сказала ему Мария. – Мне очень больно, и я никогда тебя не забуду, но я больше не могу быть с тобой.

Этим все было сказано. После развода, в моменты тихого уныния, Джереми много думал о том, что случилось, и иногда его одолевали сомнения, любила ли Мария его когда-нибудь. «Мы ведь могли пережить это, могли все уладить», – говорил он себе. Но в конце концов он понял, почему их брак был обречен, и у него не осталось на нее обиды. Он иногда звонил ей, хотя так и не смог заставить себя пойти на ее свадьбу, когда она, через три года после развода, вышла замуж за адвоката, жившего в Чаппакуа.

Они с Марией расстались семь лет назад, и, как ни странно, развод для Джереми был единственным действительно печальным событием за всю его жизнь. Он знал, что немногие люди могли похвастаться подобным благополучием. Он не пережил ни одной серьезной драмы, не вынес из детства комплексов вроде тех, что отравляли существование многим его ровесникам, и жизнь у него была насыщенная, активная и интересная. Братья Джереми и их жены, его родители и даже девяностолетние бабушки и дедушки с обеих сторон – все были живы, здоровы и счастливы. Они с братьями были очень дружны, и по меньшей мере дважды в месяц весь их постоянно увеличивающийся семейный клан собирался у родителей, по-прежнему живших в старом доме в Куинсе. У Джереми было семнадцать племянников и племянниц, и временами он чувствовал себя не в своей тарелке, будучи единственным холостяком среди счастливых семейных людей. Но к счастью, братья его были достаточно деликатны, чтобы не совать нос в его личную жизнь и не расспрашивать о причинах развода.

Джереми, можно сказать, уже пережил его. Почти пережил. Иногда, правда, во время таких поездок его охватывала щемящая тоска по тому, что он потерял, однако в последнее время такое с ним случалось все реже. В целом же развод ничего не изменил в его отношении к жизни и к браку и не сделал его убежденным холостяком. Он по-прежнему считал женщин самыми интересными и загадочными существами на свете.

Года два назад внимание Джереми привлекло исследование, проведенное с целью выяснить, является представление о красоте продуктом культуры или заложено в человеке с рождения. Суть эксперимента заключалась в следующем: красивым и некрасивым женщинам давали

подержать на руках маленьких детей и замеряли в каждом случае длительность зрительного контакта между испытуемой и ребенком. Таким образом была выявлена прямая зависимость между физической привлекательностью и длительностью зрительного контакта: дети намного дольше удерживали взгляд на красивых женщинах, чем на менее привлекательных. Ученые, проводившие исследование, усмотрели в этом подтверждение гипотезы о том, что человеческое представление о красоте является инстинктивным.

Это «открытие» было подано как сенсация в журналах «Ньюсуик» и «Тайм», и Джереми решил написать статью с критикой этих выводов, поскольку исследователи, по его мнению, не учли многие важные аспекты. Естественно, он не собирался спорить с тем, что красота действительно обладает удивительной силой и может мгновенно заворочить кого угодно. Джереми знал это по себе: его, как и любого другого мужчину, не могла оставить равнодушным эффектная внешность супермодели. Однако несмотря на все это, фундаментом истинной красоты он считал душевные качества, без которых очарование внешней привлекательности очень быстро теряет силу. Воздействие внешней красоты недолговечно, если за ней нет духовно прекрасного начала, представление о котором формируется под влиянием культурных норм и ценностей.

Редактор, однако, не одобрил идею этой статьи, назвав ее «слишком субъективной», и предложил Джереми написать лучше что-нибудь об увлечении добавками антибиотиков в корма кур и о возможных негативных последствиях этого злоупотребления – повышении устойчивости опасных бактерий и вспышках различных болезней вроде бубонной чумы. Освещение этой проблемы казалось редактору более важным делом, чем рассуждения о красоте. При этом он был вегетарианцем, а жена его обладала яркой и ослепительной красотой, как полярное сияние на Аляске.

Ох уж эти редакторы! Джереми давно понял, что большинство из них законченные лицемеры. Такие люди преуспевают практически на любом поприще: они всегда держат нос по ветру и ни при каких обстоятельствах не упустят выгоду. Решая, что стоит публиковать, а что нет, редакторы руководствуются прежде всего соображениями коммерческой выгоды и в соответствии с ними диктуют свои условия.

Джереми это раздражало, и он надеялся, что, попав на телевидение, наконец сможет избавиться от редактора. Разумеется, он не питал иллюзий, что ему удастся обрести полную творческую свободу. Элвин был прав, говоря, что телепродюсеры ничуть не лучше редакторов. Однако работа на телевидении по крайней мере могла обеспечить постоянный приличный заработок, а это означало, что ему не придется больше размениваться на пустяки и все время вертеться как белка в колесе, добывая материал для статей.

Мария была права, когда упрекала его в том, что работа отнимает у него слишком много времени. Ему следовало прислушаться к ней тогда. За пятнадцать лет карьеры журналиста у него почти ничего не изменилось в плане работы. Конечно, он стал настоящим профессионалом, и, кроме того, благодаря появившимся связям ему стало намного легче пристраивать статьи в газеты и журналы. Однако коренным образом это ничего не меняло: Джереми по-прежнему думал только о работе, и ему приходилось все время проводить в лихорадочных поисках чего-нибудь «горячего» и оригинального. Он должен был ежемесячно заполнять свою колонку в «Сайентифик американ», представляя по крайней мере одно или два серьезных журналистских расследования, и писать в год примерно пятнадцать статей на актуальные (зачастую – в зависимости от сезона) темы.

Приближается Рождество? Нужна статья о жизни святого Николая, который родился в Малой Азии (на территории современной Турции), стал епископом Миры и был известен своим великодушием, любовью к детям и заботой о моряках. В самом разгаре лето? Прекрасный повод для написания статьи о глобальном потеплении – на эту тему можно создавать самые разнообразные вариации: например, порассуждав о том неоспоримом факте, что за последние сто лет средняя температура повысилась на 0,8 градуса, сообщить о предсказываемой возмож-

ности превращения территории США в подобие пустыни Сахары или рассказать об угрозе того, что после глобального потепления может наступить новый ледниковый период, во время которого Америка превратится в холодную тундру. Перед Днем благодарения особую актуальность приобретают статьи о жизни в Новом Свете отцов-пилигримов, первых английских переселенцев, – причем писать требуется не столько об их дружеских трапезах с индейцами, сколько об охоте на ведьм в Салеме, эпидемиях оспы и кровосмесительных браках.

Интервью с известными учеными, статьи о космических спутниках и проектах НАСА всегда были востребованы, и их охотно печатали независимо от времени года. Так же как и разоблачительные статьи о наркотиках (легальных и запрещенных), сексе, проституции, азартных играх, спиртных напитках, громких судебных разбирательствах и обо всем сверхъестественном, которое в действительности имело рациональное объяснение и обычно оказывалось банальным надувательством вроде спиритических сеансов мошенника Клоузена.

Обо всем этом Джереми писал из года в год, и, стоит заметить, не о такой карьере он мечтал, ступая на стезю журналистики. Кстати, за время своей учебы он вообще не помышлял о чем-то подобном. Он единственный из братьев учился в колледже и первый в семье получил университетский диплом. Мать чрезвычайно этим гордилась и никогда не упускала случая упомянуть об этом в разговоре со знакомыми. Джереми учился одновременно на двух факультетах Колумбийского университета – физическом и химическом – и собирался заниматься научными исследованиями и преподавать. Ему даже в голову не приходило, что он может стать журналистом, но однажды его девушка, работавшая в университетской газете, уговорила его написать на основе статистических данных статью с критикой необъективности вступительных тестов – их расово-культурной и социальной избирательности. Его статья вызвала волну студенческих выступлений, и Джереми понял, что не лишен журналистских способностей, однако этот случай не стал для него решающим в выборе профессии.

Все произошло немного позже. Незадолго до получения диплома Джереми вынужден был провести собственное расследование. Его отец стал жертвой афериста, который, представившись консультантом по финансовым вопросам, выманил имевшиеся у него ценные бумаги (на сумму порядка сорока тысяч долларов) в обмен на другие, якобы более перспективные. В результате их семья осталась без одного из основных источников дохода: отец Джереми, всю жизнь проработавший водителем автобуса, был уже на пенсии. Нависла угроза продажи дома, и Джереми, чтобы спасти семейное гнездо, пренебрег торжествами по случаю окончания университета и взялся за разоблачение мошенника. Он перерыл все имевшиеся в открытом доступе базы данных, выудив из них максимум сведений об аферисте, опросил его бывших коллег и свел воедино полученную информацию.

В нью-йоркском детективном агентстве, куда Джереми обратился с собранными материалами, никто не выказал желания взяться за это дело: там в тот момент занимались более важным расследованием и разоблачение мелкого афериста не представляло особого интереса. Тогда Джереми решил действовать самостоятельно: еще раз перепроверив все свои источники и факты, он написал первую в своей жизни разоблачительную статью, которую опубликовали в журнале «Нью-Йорк». В результате мошенник был выведен на чистую воду, а родительский дом удалось сохранить. Главный редактор журнала, искусно польстив Джереми и затронув его амбиции, сумел убедить его в том, что с таким талантом ему непременно нужно заниматься журналистикой, и предложил взяться для начала за написание статьи о леффертексе – антидепрессанте, который в то время проходил третью стадию клинических испытаний и вызывал бурное обсуждение в СМИ.

Джереми принял это предложение и целых два месяца проводил за собственный счет журналистское расследование. Вышедшая статья имела большой резонанс, и под ее влиянием создатель антидепрессанта отказался от намерения выпустить его на рынок. Успех окончательно решил судьбу Джереми, и, вместо того чтобы продолжить обучение, как было заплани-

ровано раньше, в Массачусетском технологическом институте, он отправился в Шотландию разбираться в легенде о лохнесском чудовище. Там ему удалось узнать, что известный хирург, сделавший в 1933 году знаменитую фотографию чудовища, признался на смертном одре, что этот снимок был подделкой, которую он с другом сфабриковал в один прекрасный воскресный день, желая подшутить над доверчивыми людьми. Все остальное было уже продуктом домыслов и фантазий.

Статьи о подобного рода мистификациях, мошенничествах и обманах Джереми писал долгие годы. Целых пятнадцать лет жизни он провел в погоне за сенсациями. И к чему это его привело? В свои тридцать семь он был одинок и жил в маленькой невзрачной квартире в Верхнем Вест-Сайде, а сейчас направлялся в Бун-Крик, городок в Северной Каролине, расследовать загадку странных огней на кладбище.

Джереми покачал головой, в который раз удивляясь тому, по какой колее пошла его жизнь. Во многом его привлекала в журналистику жажда славы, и он до сих пор не переставал надеяться на то, что ему удастся ее добиться. Правда, сейчас он стал связывать эти надежды прежде всего с телевидением.

Об истории с таинственными огнями Джереми узнал из письма, полученного месяц назад. Прочитав его, он подумал, что у него могла бы получиться неплохая статья к Хэллоуину, которую – в зависимости от того, что она в конечном итоге будет собой представлять, – охотно бы взяли для октябрьского номера «Сазерн ливинг» или «Ридерз дайджест», «Харперз» или «Нью-Йоркер». С другой стороны, если город, подобно Розвеллу, штат Нью-Мексико, стремился прославиться благодаря происходящим в нем паранормальным явлениям, то статьей, несомненно, должны были заинтересоваться в какой-нибудь крупной южной газете, откуда ее потом могли перепечатать другие. Или, в конце концов, можно было использовать эту историю для своей колонки. Редактор «Сайентифик американ» всегда с удовольствием принимал такие статьи: они пользовались популярностью у читателей, обожавших истории обо всем загадочном. Джереми с досадой подумал, что слишком много в последнее время делалось в угоду читательскому вкусу. И неудивительно – ведь редактор в первую очередь заботился об увеличении числа подписчиков, на которых, собственно, и держался бизнес. При всей своей придиристичности и несомненном стремлении поддерживать на должном уровне их серьезный научно-популярный журнал редактор никогда бы не отверг статью о какой-нибудь сверхъестественной чепухе.

За время работы журналистом Джереми уже семь раз приходилось писать такие статьи, причем четыре из них – для колонки в октябрьских номерах «Сайентифик американ». Порой истории, строго говоря, были вообще ни о чем – о якобы являвшихся кому-то призраках, появление которых невозможно ни зафиксировать, ни доказать. Порой расследования касались полтергейста – злонамеренного духа, способного передвигать предметы и вредить окружающим. По мнению исследователей паранормальных явлений (Джереми, правда, считал полнейшей нелепостью называть этих людей «исследователями»), полтергейст, как правило, является «спутником» конкретного человека, а не привязан к определенному месту. Однако вопреки их утверждениям – в том числе и в случаях, которые широко освещались в прессе, – Джереми доказал, что имел место лишь тщательно замаскированный обман.

С огнями в Бун-Крике все было сложнее. Несомненно, эта мистификация требовалась для привлечения в городок туристов. Как Джереми узнал из брошюры о Бун-Крике, им предлагался увлекательнейший тур с посещением старинных домов восемнадцатого века и кладбища с призраками, где при определенных погодных условиях можно увидеть «томящиеся души давно умерших жителей города».

Эту брошюру с фотографиями городка и яркими описаниями он получил вместе с письмом от жительницы Бун-Крика, которое выучил почти наизусть.

Уважаемый мистер Мари!

Меня зовут Дорис Макклеллан. Я уже давно хотела Вам написать – с тех пор как два года назад прочитала в «Сайентифик америкэн» Вашу статью о полтергейсте в замке Брентон в Ньюпорте, штат Род-Айленд. К сожалению, все как-то не получалось взяться за это письмо, но теперь в связи с событиями, происходящими в нашем городе в последнее время, я решила, что нужно наконец с Вами связаться.

Не знаю, слышали ли Вы когда-нибудь о кладбище в городке Бун-Крик, штат Северная Каролина. Легенда гласит, что оно населено призраками – душами бывших рабов. Зимой – в январе и начале февраля, – когда кладбище окутывает туман, на могильных плитах появляются пляшущие голубые огни. Одни свидетели описывают их как кратковременные световые вспышки, другие говорят, что это светящиеся шары размером с баскетбольный мяч. Я тоже видела эти огни, и мне они напоминают большие зеркальные сферы, какие бывают на дискотеках. В прошлом году к нам приезжали исследователи из Университета Дьюка – то ли метеорологи, то ли геологи. Они тоже видели огни своими глазами, но так и не смогли сказать о них ничего определенного (в нашей местной газете обо всем этом была большая статья). Никто до сих пор еще не смог объяснить природу этих огней. Я очень надеюсь, что, если Вы приедете к нам, Вам удастся разобраться в этой загадке.

Если захотите узнать какие-либо подробности, можете позвонить мне в «Гербс», наш местный ресторан.

Далее шла контактная информация. Джереми просмотрел ее и полистал брошюру, изданную местным Историческим обществом. Он прочитал описания нескольких старинных зданий, осмотр которых был включен в экскурсионную поездку по городу, бегло просмотрел информацию, касавшуюся парада и танцев в ночь с пятницы на субботу, и приподнял бровь, наткнувшись на объявление о том, что впервые в субботнюю экскурсионную программу будет включено ночное посещение кладбища. На обратной стороне брошюры, в окружении рисунков, изображающих Каспера, были помещены свидетельства очевидцев – людей, видевших таинственные огни, а также какой-то отрывок, очевидно, из статьи в местной газете. В центре красовалась «крупнозернистая» фотография, на которой, если верить подписи, было запечатлено то самое загадочное свечение.

Разумеется, кладбищу этого городка было далеко до знаменитого Борли-Ректори – старинного викторианского дома, стоявшего некогда на северном берегу реки Стур в графстве Эссекс в Англии. Если сравнивать с этим домом, который просто кишел всевозможными привидениями, то на кладбище Бун-Крика вообще не происходило ничего особенного – там не было ни призрачных всадников без головы, ни звона колокольчиков, ни звучания органа – вообще ничего, кроме каких-то странных огней. Как бы то ни было, для Джереми этого было вполне достаточно, чтобы заинтересоваться и начать работу.

После неудавшейся попытки отыскать статью, о которой говорилось в письме (на веб-сайте местной газеты не оказалось архива), он связался с несколькими факультетами Университета Дьюка и в конце концов нашел отчет об исследовании, проведенном недавно в Бун-Крике. Его авторами были трое студентов университета, но хотя в отчете были указаны их телефоны, Джереми счел совершенно бессмысленным им звонить. Едва ли студенты могли сообщить ему больше, чем он уже прочитал в их работе, не открывшей ему ровным счетом ничего нового. Отчет содержал ничтожно мало конкретной информации, и, в сущности, там не было ничего, кроме констатации факта, что огни на кладбище действительно существуют и их удалось сфотографировать. Естественно, подобные сведения не могли даже отчасти прояснить ситуацию, да Джереми особенно на это и не надеялся: за пятнадцать лет работы журналистом он взял за правило не доверять ничьим сведениям, кроме тех, что добудет сам.

Ему прекрасно была известна изнанка журналистской работы. Все журналисты утверждают, будто проводят собственные расследования, и многие действительно делают что-то в этом роде, однако чаще всего люди склонны ориентироваться на уже высказанные кем-то мнения и сделанные другими выводы. Отсюда ошибки и заблуждения, кочующие из одной публикации в другую и уводящие еще дальше от истины. Почти в каждой статье в любом журнале присутствуют такие «заимствования». Два года назад Джереми даже написал об этом статью, раскрыв всю подноготную своих собратьев по перу.

Редактор, однако, не пропустил этот материал в печать, и ни один другой журнал его тоже не принял.

Глядя на мелькавшие за окном дубы, Джереми опять погрузился в грустные размышления о своей карьере. Внезапно он подумал, что напрасно так поспешил с приездом, – следовало предварительно разобраться в этой истории как следует. Что, если никаких огней на кладбище нет? Вдруг эта мистификация окажется настолько банальной, что собранный материал не потянет даже на статью? Джереми встряхнул головой. Сокрушаться бессмысленно, да и, собственно, не о чем: во-первых, он уже почти приехал и отступать поздно, а во-вторых, Нейт наверняка не дремал и продолжал развивать бурную деятельность в Нью-Йорке.

Несмотря на сомнения, Джереми отправился в эту поездку во всеоружии, захватив всю необходимую для проведения расследования аппаратуру (когда-то он для смеха купил «Руководство для охотников за привидениями»). Он вез с собой «Полароид», 35-миллиметровый фотоаппарат, четыре видеокамеры со штативами, диктофон и микрофоны, детекторы микроволнового и электромагнитного излучения, компас, очки ночного видения, ноутбук и прочие технические средства, без которых никак не обойтись настоящему охотнику за привидениями.

Редактор всегда был очень недоволен расходами на подобные нужды, и каждый раз требовалось немалых усилий, чтобы убедить его приобрести ту или иную вещь. Джереми приходилось пускать в ход все свое красноречие и долго разглагольствовать о том, что сейчас, когда технологии так стремительно развиваются, использовать устаревшее оборудование – все равно что добывать огонь с помощью кремня. Редактор неизменно упорствовал, отказываясь понимать, зачем для проведения журналистского расследования покупать самые последние новинки техники. Джереми интересно было представить, какое выражение лица было бы у редактора, если бы он заговорил с ним о необходимости приобретения лазера, какой использовали Билл Мюррей и Харольд Рэмис в «Охотниках за привидениями». Как бы то ни было, в большинстве случаев Джереми удавалось одержать верх – в том числе и на этот раз. Редактор, подумал он, несомненно, придет в бешенство, если в конце концов эта история окажется на телевидении, а не на страницах «Сайентифик американ».

Джереми усмехнулся при этой мысли и принялся переключаться с одной радиостанции на другую. Рок, хип-хоп, кантри, госпел – и, наконец, местное ток-шоу с участием двух рыбаков, горячо доказывавших, что нужно уменьшить норму веса камбалы, при котором ее можно вылавливать. Ведущий что-то гнусаво бубнил, стараясь продемонстрировать необычайную заинтересованность. В перерывах передавались сообщения о выставке оружия и монет в масонской ложе в Грифтоне и изменениях в составе команд, участвующих в гонках НАСКАР.

Возле Гринвиля движение стало более оживленным, и Джереми, чтобы не въезжать в центр города, сделал крюк возле университетского кампуса. Проехав по мосту над широкой рекой Памлико, он свернул на шоссе, пролежавшее по сельской местности и зажатое с обеих сторон безжизненными зимними полями, густыми зарослями деревьев и фермерскими домиками. Через тридцать минут он уже приближался к Бун-Крику.

После первого и единственного светофора и дорожного знака, устанавливавшего скорость не более 25 миль в час, Джереми поехал медленнее, желая как следует осмотреться. Он был сильно разочарован представшей его глазам картиной. В стороне от дороги, перпендикулярно которой шли несколько улиц, были видны сиротливые, беспорядочно разбросанные

домики-фургоны. По пути ему также попались две обшарпанные автозаправки и шиномонтажная мастерская, вывеска которой красовалась наверху башни, сложенной из старых автомобильных шин. В любом другом месте это сочли бы нарушением норм пожарной безопасности, но здесь, очевидно, такое никому не приходило в голову. Буквально через минуту Джереми попал на другой конец города, где, согласно дорожному знаку, автомобиль можно было вести уже с большей скоростью. Он остановил машину у обочины дороги и снова с недоумением огляделся вокруг.

Одно из двух: либо торговая палата самым бессовестным образом использовала на своем сайте снимки какого-то другого города, либо он не туда попал. Джереми решил свериться с картой. Все вроде бы было правильно: согласно карте издательства «Рэнд Макнэлли», он должен был находиться не иначе как в городке Бун-Крик. Джереми еще раз взглянул в зеркало заднего вида. Где же, черт возьми, все обещанное? Тихие зеленые улицы. Цветущие азалии. Прелестные женщины в платьях.

Размышляя об этом, он заметил возвышавшийся над деревьями шпиль белой церкви и решил поехать по направлению к нему, свернув на одну из поперечных улиц. Немного отъехав от шоссе в глубь улицы, Джереми вдруг с удивлением обнаружил, что картина за окном автомобиля резко изменилась. «Добро пожаловать в Бун-Крик!» – казалось, говорило все вокруг. Несомненно, этот приветливый городок когда-то звал лучшие времена, однако сейчас он казался одряхлевшим и умирающим от старости. Выющиеся растения и американские флаги, украшавшие дома, не могли скрыть облупившуюся краску на стенах и мох под карнизами. Во дворах росли огромные магнолии, создававшие тень, а дома были окружены аккуратно подстриженными кустами рододендрона, сквозь которые все же местами были заметны образовавшиеся в стенах трещины. Как бы то ни было, город выглядел довольно приветливо – так же как и его жители. На террасах некоторых домов сидели пожилые люди в опрятных свитерах. Уютно устроившись в креслах-качалках, они приветливо махали руками проезжавшему мимо Джереми.

Сначала он подумал, что старички, вероятно, принимали его за знакомого, однако после нескольких таких приветствий ему стало ясно: здесь принято так встречать любого человека, проезжавшего мимо. Чтобы познакомиться с Бун-Криком, Джереми отправился колесить по улицам и скоро очутился в районе набережной, служившей напоминанием о том, что этот городок был основан в месте впадения притока, в честь которого поселение когда-то получило свое название, в реку Памлико. Проезжая по «деловому центру» города, мысленно он отметил, что тут признаки угасания заметнее всего. Когда-то здесь, несомненно, кипела жизнь и процветал бизнес. Сейчас же многие магазинчики пустовали, окна были заколочены, и среди того немногого, что осталось, были две антикварные лавки, старомодный ресторанчик, бар под названием «Эй, я тебя люблю!» и парикмахерская. Все эти заведения, конечно же, существовали здесь на протяжении многих десятилетий, однако чувствовалось, что они ведут отчаянную борьбу за выживание, которую им в конечном счете скорее всего не выиграть. Все вокруг было допотопным и ветхим, и единственное, что напоминало о современности, были выставленные в витрине маленького провинциального универмага футболки неоновых цветов с надписями вроде «Я пережил встречу с привидениями Бун-Крика!».

Разыскать ресторан «Гербс», где работала Дорис Макклеллан, не составило большого труда. Он располагался почти в самом конце квартала в старинном викторианском здании персикового цвета. Перед зданием, а также на небольшой, посыпанной гравием парковке, находившейся чуть в стороне, стояли автомобили. Занавески на окнах не мешали рассмотреть, что происходило в самом ресторане, и, заглянув туда, Джереми увидел, что все столики в зале – так же как и на террасе – заняты. Он решил вернуться и поговорить с Дорис позже, когда народу будет не так много. А пока можно было продолжить знакомство с городом. На окраине ему

попалось маленькое и неприметное кирпичное здание, оказавшееся торговой палатой. Приняв это к сведению, Джереми отправился дальше и снова выехал на шоссе.

Он остановился у автозаправочной станции и, сняв солнцезащитные очки, опустил боковое стекло. Хозяин автозаправки – седой мужчина в засаленном комбинезоне и кепке с эмблемой Дейла Эрнхардта – неспешно поднялся со своего места и пошел по направлению к машине, не переставая что-то жевать (должно быть, жевательный табак, подумал Джереми).

– Я могу вам помочь?

У старика были потемневшие от табака зубы, и говорил он с ярко выраженным южным акцентом. На груди у него была прикреплена небольшая карточка с именем Тулли. Джереми спросил, как проехать на кладбище, однако вместо ответа Тулли внимательно его оглядел и в конце концов поинтересовался:

– А кто умер?

– Простите? – не понял Джереми.

– Но вы ведь едете на похороны, разве не так? – спросил старик.

– Нет. Я хочу осмотреть кладбище.

Тулли кивнул:

– А-а, понятно. Просто вы так одеты, будто собираетесь на похороны.

Джереми окинул взглядом свою одежду: черная куртка поверх черной водолазки, черные джинсы, черные туфли «Бруно Магги». Действительно, это можно было принять за траур.

– Да в общем-то я всегда так одеваюсь, – пожал он плечами, – мне нравится черное. Так вы не подскажете мне?..

Хозяин автозаправки поднял козырек кепки и неторопливо, обстоятельно заговорил:

– А лично я вообще не люблю бывать на похоронах. Они наводят на меня такую тоску... Сразу начинаешь думать, что скоро и твоя очередь и что нужно бы почаще ходить в церковь, чтобы очиститься от грехов, пока не совсем поздно. С вами такого не бывает, а?

Джереми не знал, что ответить. Не каждый день сталкиваешься с подобным вопросом – тем более в ответ на самую обычную просьбу показать дорогу.

– Да вроде бы нет, – наконец произнес он.

Тулли вытащил из кармана тряпку и стал оттирать с рук машинное масло.

– А вы, я вижу, нездешний, – сказал он. – У вас забавный акцент.

– Я из Нью-Йорка, – объяснил Джереми.

– Слышал об этом городе, но никогда там не был, – с достоинством произнес старик и оглядел «Таурус» Джереми. – Ваша машина?

– Нет, взял напрокат.

Тулли кивнул и на несколько секунд замолчал.

– Однако я снова про кладбище, – воспользовавшись паузой, напомнил Джереми. – Не могли бы вы объяснить, как туда проехать?

– Конечно, могу. А какое кладбище вы ищете?

– Оно называется Седар-Крик.

Хозяин автозаправки как-то странно взглянул на Джереми:

– Да что там смотреть? Там ровным счетом нет ничего интересного. Вот на другом конце города есть действительно красивые кладбища.

– Но меня интересует именно это кладбище.

Старик, казалось, не слышал его слов.

– У вас там похоронены родственники?

– Нет.

– А-а, так вы бизнесмен? Собираетесь строить в том районе торговый центр и гостиницу для туристов?

Джереми отрицательно помотал головой:

– Да нет же. Я журналист. Работаю в научно-популярном журнале. Ну и всякая эзотерика, парапсихология, уфология – тоже по моей части.

– А хорошо бы все-таки, чтобы к нам сюда приезжали туристы. Отличная идея – построить здесь гостиницу и торговый центр. Моя жена, кстати, тоже так думает.

– Да, наверное, для вашего города это было бы хорошо, – сказал Джереми, раздумывая о том, как скоро ему удастся завершить разговор. – Но что касается гостиницы и торгового центра, это уж не от меня зависит. Я ведь не бизнесмен.

– Вам нужен бензин? – спросил хозяин автозаправки, обойдя машину Джереми и оставившись позади нее.

– Нет, спасибо.

Однако Тулли уже отвинчивал крышку бензобака.

– «Премиум» или обычный?

Джереми решил, что со словоохотливым хозяином автозаправки проще согласиться, чем пытаться что-то ему втолковать.

– Ну давайте обычный.

Вставив пистолет в бензобак, Тулли снял кепку, пригладил рукой волосы и снова подошел к окошку автомобиля, чтобы продолжить разговор:

– Если у вас возникнут какие-нибудь проблемы с машиной, обращайтесь ко мне не раздумывая. Я ремонтирую и те, и другие автомобили, и к тому же почти задаром.

– И те, и другие?

– Ну да – и наши, и заграничные. А вы что подумали? – спросил старик и, не дождавшись ответа, покачал головой, видимо, сочтя Джереми весьма странным и туповатым типом. – Кстати, меня зовут Тулли. А вас?

– Джереми Марш.

– Так, говорите, вы уролог?

– Нет, я журналист, и я говорил не про урологию, а про уфологию. И должен еще уточнить: собственно уфологией я вовсе и не занимаюсь, потому что я, по сути, антиуфолог.

– А в нашем городе нет ни одного уролога. Только в Гринвиле есть несколько.

– Понятно... – сказал Джереми, уже не пытаясь что-то растолковать старику. – Ну а все же как мне добраться до Седар-Крика?

Тулли почесал нос, задумчиво посмотрел на дорогу и снова перевел взгляд на Джереми.

– Да вы сейчас все равно там ничего не увидите – ведь привидения появляются только ночью... Ну что – я вас раскусил?

– В смысле?

– Говорю – угадал цель вашего приезда? Раз у вас нет родственников, похороненных на этом кладбище, значит, вы приехали сюда, чтобы увидеть привидения. Верно?

– А вы слышали о привидениях?

– Еще бы. И не только слышал – я видел их собственными глазами! Да, кстати, за билетом нужно обращаться в торговую палату.

– За билетом?

– Ну да. А что вы хотите? Без билета вас ни в один дом не пустят.

Джереми несколько секунд соображал, что это могло означать, и наконец его осенила догадка.

– А-а, вы имеете в виду билет на «Экскурсию по старинным домам и кладбищу, населенному призраками»?

Тулли посмотрел на Джереми так, словно никогда в жизни не встречал большего глупца:

– Ну конечно, я имел в виду эту экскурсию. А вы что сначала подумали?

– Сначала, честно говоря, я просто не понял, – ответил Джереми и в очередной раз спросил: – Так, значит, в какую сторону нужно ехать, чтобы попасть на кладбище?

– Туда, – сказал Тулли, махнув рукой в сторону города, и наконец принялся объяснять: – Значит, так, сначала едете до центра, а потом по главной дороге – на север до поворота, он находится примерно в четырех милях от того места, где раньше был тупик. Там поворачивайте на запад и поезжайте прямо до развилки, а оттуда – по дороге, которая ведет мимо дома Вильсона Таннера. У старого автомобильного кладбища опять поворачивайте на север и поезжайте прямо – оттуда уже рукой подать до Седар-Крика.

Джереми кивнул:

– Понятно, спасибо.

– Вы точно все запомнили? – спросил Тулли.

– Думаю, да: развилка, дом Вильсона Таннера, старое автомобильное кладбище, – механически повторил Джереми. – Спасибо за помощь.

– Не за что, не за что. Рад был помочь. С вас семь долларов сорок девять центов.

– Я могу расплатиться кредитной картой?

– О нет, лучше не надо. Не люблю я эти современные штучки – с ними каждый шаг на виду. А я не хочу, чтобы кто-то меня контролировал.

– Такая уж теперь жизнь, – сказал Джереми, доставая бумажник. – Сейчас, с новейшими технологиями, государство все про всех знает.

Тулли понимающе кивнул:

– Да, вам, докторам, наверное, еще хуже – вы у них как на ладони. А кстати...

Тулли говорил без умолку еще в течение четверти часа. Джереми выслушал много всего о причудах погоды и нелепых указах правительства, а также узнал, что Уайетт – хозяин другой автозаправки – непременно его обманет, если ему когда-нибудь вдруг случится заправлять там машину (Уайетт, по словам Тулли, хитроумно перенастроил свою колонку и теперь спокойно недоливает бензин). Но дольше всего Тулли рассказывал про свой простатит, из-за которого ему приходилось по пять раз за ночь подниматься с постели, чтобы сходить в туалет. Он спрашивал совета Джереми как уролога, а также интересовался его мнением насчет виагры.

К счастью, к автозаправке подъехала другая машина, и их беседа наконец прервалась. Водитель вышел из автомобиля и поднял капот. Тулли посмотрел туда, поковырялся в проводах и, деловито сплюнув в сторону, сказал, что все сделает в лучшем виде. Однако тут же добавил, что, поскольку работы у него неуворот, машина будет готова не раньше чем через неделю. Хозяин машины, казалось, ничуть не удивился и остался вполне доволен, а через несколько секунд они уже разговаривали про некую миссис Данджнесс, к которой прошлой ночью забрался на кухню опоссум и ел фрукты прямо из миски на столе.

Джереми воспользовался этим моментом, чтобы улизнуть. По дороге он купил в универсаме карту города и набор открыток с достопримечательностями Бун-Крика, после чего, нигде больше не останавливаясь, поехал на север по извилистой главной дороге, ведущей за пределы города. Джереми легко нашел и поворот, и развилку, но сначала пропустил дорогу, шедшую мимо дома Вильсона Таннера. Ему пришлось возвращаться, всматриваясь внимательнее, и в конце концов он заметил узкую неасфальтированную дорогу, практически полностью скрытую густыми зарослями.

Миновав лесную ухабистую дорогу, Джереми снова выехал на открытое место и по правую руку заметил табличку, сообщавшую, что неподалеку находится Райкерс-Хилл – место, где во время Гражданской войны было сражение. Проехав еще немного, он очутился перед главными воротами кладбища Седар-Крик. Впереди возвышался Райкерс-Хилл. Конечно, «возвышался» было громко сказано, потому что Райкерс-Хилл на самом деле представлял собой невысокий холм. Однако он был единственным возвышением на этой равнине – плоской, как камбала, вес которой горячо обсуждали гости ток-шоу на местном радио. В такой местности о любом пригорке можно сказать, что он «возвышается» над округой.

Кладбище, окруженное поржавевшей железной оградой, державшейся на кирпичных колоннах, располагалось в широкой неглубокой долине, отчего создавалось впечатление, будто оно постепенно оседало, собираясь провалиться под землю. На территории Седар-Крика росло множество раскидистых дубов, покрытых испанским бороатым мхом. Толстые нижние ветви некоторых деревьев были укреплены подпорками. В центре кладбища возвышалась огромная магнолия, корни которой, частично выходявшие на поверхность земли, были похожи на изуродованные артритом пальцы.

Чувствовалось, что когда-то это кладбище было ухоженным и умиротворенно-величественным, но сейчас оно пришло в полное запустение. Неасфальтированная дорога, ведущая от главных ворот в глубь кладбища, была размыта дождями и покрыта гниющими листьями, сквозь которые кое-где пробивались жалкие пучки засохшей травы. Бороздившие дорогу рытвины напомнили Джереми набегающие на берег морские волны. Все могилы поросли огромными сорняками, и большинство надгробий были полуразрушены.

Тулли оказался прав: смотреть здесь действительно не на что. Место было заброшенное, мрачное и довольно зловещее. Однако для кладбища, населенного призраками, это как раз то, что надо. Несомненно, снятый здесь видеосюжет имел все шансы попасть на телевидение. Джереми улыбнулся: кладбище Седар-Крик выглядело так, будто его соорудили голливудские декораторы для съемок фильма о привидениях.

Выйдя из машины, он размял ноги и достал из лежавшего в багажнике чемодана фотоаппарат. Дул прохладный, но приятный ветерок, не имевший ничего общего с пронизывающим нью-йоркским ветром, и Джереми сделал глубокий вдох, наслаждаясь запахом душистых трав и хвои. По небу плыли кучевые облака, и вдали кружил одинокий ястреб. Райкерс-Хилл покрывал сосновый лесок, а в поле, лежавшем у подножия холма, стоял заброшенный сушильный сарай для табака, обвитый кудзу. Его жестяная крыша вся проржавела, одна из стен покосилась, и он выглядел таким ветхим, что, казалось, малейшее усиление ветра грозило ему разрушением. Кроме этого строения, никаких других признаков цивилизации вокруг не было.

Войдя в кладбищенские ворота, открывшиеся с громким скрежетом ржавых петель, Джереми медленно двинулся по дорожке между могилами, разглядывая надгробия. Сначала его очень удивило, что на могильных плитах нет надписей, но он быстро догадался, что они просто стерлись от времени. Самые старые даты, которые ему удалось рассмотреть, относились к концу восемнадцатого века. Многие склепы и памятники, попадавшиеся Джереми по дороге, были повреждены, а некоторые даже разрушены, однако было очевидно, что это результат воздействия ветра, дождя, солнца, а не результат злого и разнузданного вандализма. Судя по датам на самых последних памятниках, здесь уже тридцать лет никого не хоронили, так что было неудивительно, что на кладбище царил такое запустение.

Остановившись в тени магнолии, Джереми огляделся. Должно быть, туманной ночью это место выглядело особенно таинственно, и, конечно, в такой атмосфере у пришедших сюда людей не могло не разыгаться воображение. Если же загадочные огни действительно здесь появлялись, какова их природа? Можно было предположить, что «призраки» представляли собой не что иное, как отражение света в скоплениях водяных капелек, висящих в воздухе во время тумана. Но что было источником этого света? Нигде поблизости – ни на дороге, ни на самом кладбище – не было фонарей. На Райкерс-Хилле Джереми тоже не заметил никакого намека на жилые постройки, откуда мог бы исходить свет. Единственным его источником могли быть фары проезжающих мимо машин, но, если рассуждать логически, вряд ли они имели хоть какое-то отношение к появлению огней на кладбище: дорога поблизости только одна, машины по ней ездили редко, и люди давно уже заметили бы связь между светом фар и «пробуждением призраков».

Джереми подумал, что, помимо купленной им дорожной карты города, следовало обзавестись подробной топографической картой местности. Вероятно, ее можно было найти в город-

ской библиотеке. В любом случае следовало туда наведаться, чтобы побольше узнать об истории кладбища и самого города. А заодно выяснить, когда впервые на кладбище были замечены огни: возможно, это имеет какое-то отношение к причине их появления. Кроме того, он собирался провести на кладбище пару ночей, когда погоде будет угодно ниспослать туман на Бун-Крик и его окрестности.

Некоторое время Джереми бродил по кладбищу, делая цифровым фотоаппаратом снимки, предназначенные пока не для публикации, а для того, чтобы сравнить их со старыми видами Седар-Крика, если таковые удастся найти в местной библиотеке. Он хотел проследить, как менялось кладбище с течением времени, чтобы понять, когда и почему оно стало приходить в столь неприглядное состояние. Заодно Джереми сфотографировал и гигантскую магнолию с черным морщинистым стволом и низко нависшими над землей ветвями. В детстве они с братьями с удовольствием ползали бы по такому дереву – разумеется, если бы оно росло не на кладбище, среди могил.

Просматривая сделанные фотографии, чтобы убедиться, все ли необходимое снято, Джереми краем глаза заметил вдалеке какое-то движение.

Подняв голову, он увидел, что по направлению к нему шла женщина в джинсах и голубом свитере, с синей холщовой сумкой на плече. У незнакомки были каштановые волосы до плеч и нежная смуглая кожа, не нуждавшаяся в макияже. Но что действительно поразило Джереми, так это ее фиалковые глаза, издавек казавшиеся почти сиреневыми. Бросив взгляд на подъездную дорогу к кладбищу, он увидел, что автомобиль женщины был припаркован прямо за его машиной.

Но что она здесь делала? Может, промелькнула у него мысль, посещение Седар-Крика разрешено только в составе экскурсий и эта женщина собиралась выдворить его с территории кладбища? Или, может, она приехала сюда по каким-то своим причинам и ей вовсе не было никакого дела до Джереми?

Незнакомка невозмутимо шла по направлению к нему.

Ну что ж, если она не собиралась его выгонять, ее появление можно было считать очень даже милым стечением обстоятельств. Джереми убрал фотоаппарат в чехол, расправил плечи и, когда женщина приблизилась, широко улыбнувшись, сказал:

– Добрый день! Как приятно встретить здесь живого человека!

Услышав эти слова, женщина немного замедлила шаг, словно только сейчас заметила Джереми. По ее лицу скользнула усмешка, и Джереми показалось, что она собирается остановиться. Однако он ошибся: незнакомка прошла мимо, и до его слуха донесся ее тихий смешок.

Приподняв брови, Джереми посмотрел ей вслед. Женщина продолжала удаляться не оборачиваясь. Не успев как следует взвесить, насколько его поведение уместно, он сделал несколько шагов следом и окликнул ее:

– Послушайте!

Женщина повернулась к Джереми, но не остановилась, а медленно продолжала идти в прежнем направлении. Выражение лица у нее было насмешливое.

– Вы разве не знаете, что невежливо рассматривать человека в упор? – спросила она. – Наверное, вам стоит поучиться правилам хорошего тона. Ведь мы, женщины, не любим нахалов.

Произнеся эту нравоучительную тираду, незнакомка отвернулась, поправила на плече сумку и зашагала своей дорогой. Издалека опять донесся ее короткий смешок.

Джереми, опеший от неожиданного отпора, стоял, приоткрыв рот.

Очевидно, незнакомка не была настроена на общение. Ну и ладно. Подумаешь! Но все-таки почему она по крайней мере не ответила на его приветствие? Наверное, мужчины не давали ей проходу, вот она и привыкла так резко реагировать на любые попытки завести с ней разговор. Или, возможно, она просто не хотела, чтобы ей мешали, когда...

Что – когда?

«Похоже, журналистика сделала меня патологически любопытным, – подумал Джереми. – Какое мне дело до того, что ее сюда привело? В конце концов, – напомнил он себе, – это кладбище. Возможно, она пришла сюда, чтобы навестить могилы близких. Ведь именно для этого люди обычно приходят на кладбище».

Джереми задумчиво сдвинул брови. Все верно, но кладбища, посещаемые родственниками усопших, как правило, являют собой благостную картину умиротворения и порядка – с ухоженными могилами, аккуратно подстриженным газоном и скорбно-величественными памятниками. Что же касается Седар-Крика, то оно выглядело ничуть не лучше, чем Сан-Франциско после землетрясения 1906 года. Едва ли сюда вообще кто-то навещался, чтобы следить за могилами. Можно было, конечно, пойти за незнакомкой и, подсмотрев за ней, выяснить, какова цель ее визита сюда. Однако Джереми достаточно хорошо знал женщин, чтобы понимать: подглядывание может вывести их из себя еще сильнее, чем «рассматривание в упор».

Незнакомка шагала по тропке между могилами, и висевшая на плече сумка покачивалась в такт ее грациозной походке. Джереми изо всех сил старался не пожирать ее глазами, но никак не мог отвести взгляда. Лишь когда она скрылась из виду за толстыми стволами дубов, проснувшийся наконец рассудок сказал ему, что сейчас не время отвлекаться на красивых женщин. От этого журналистского расследования, возможно, зависела вся его дальнейшая судьба. Работа на телевидении, деньги, известность и так далее, и тому подобное... Ладно, в таком случае – что дальше? Кладбище он уже осмотрел. Так что теперь, пожалуй, стоило познакомиться с окрестностями, чтобы получить хоть какое-то представление об этих местах.

Джереми вернулся к машине и уселся за руль, довольный тем, что, уходя с кладбища, даже не обернулся посмотреть, наблюдает ли за ним незнакомка. Ему нравилось играть в подобные игры. Правда, на этот раз он скорее всего играл в одиночку. Уже сидя в машине, Джереми быстрым взглядом окинул кладбище и убедился, что это действительно так: женщины нигде не было видно, и она не думала за ним наблюдать.

Заведя машину, Джереми медленно тронулся с места, и по мере того, как он удалялся от кладбища, мысли о прекрасной незнакомке постепенно улетучивались из его головы, уступая место другим. Он поехал вперед, чтобы узнать, пересекалась ли эта дорога с какими-нибудь другими. По пути Джереми внимательно осматривал окрестности, безуспешно ища глазами ветряные мельницы, хозяйственные постройки, крытые жестью, и маленькие фермерские домики. Вокруг не было ничего заслуживающего внимания, и, повернув машину, он поехал обратно, так же безуспешно высматривая дорогу, по которой можно было попасть на вершину Райкерс-Хилла. Размышляя о том, чей холм был собственностью – государственной или частной, а также кому принадлежали поля вокруг Седар-Крика, Джереми вновь приехал к воротам кладбища. Он сразу заметил, что машины незнакомки у ворот уже не было, и, к своему удивлению, испытал от этого легкое разочарование, которое, впрочем, исчезло так же быстро, как и появилось.

Джереми посмотрел на часы – было начало третьего. Должно быть, время ленча в «Гербсе» уже закончилось, и можно было смело отправляться туда для разговора с Дорис. Возможно, ей было известно нечто такое, от чего он мог оттолкнуться в своем расследовании.

Джереми усмехнулся, подумав, что встреченная им на кладбище незнакомка, вероятно, посмеялась бы над ним, если бы узнала, какова цель его приезда в их город.

Глава 3

Когда Джереми приехал в «Гербс», на террасе были заняты всего несколько столиков. Он поднялся по ступенькам и направился к входной двери, чувствуя на себе любопытные взгляды посетителей. Разговоры внезапно стихли, и все продолжали молча жевать, оглядывая его с удивлением, с каким смотрят пасущиеся коровы на приближающегося к изгороди человека. Джереми кивнул и помахал рукой в знак приветствия, как делали старички на террасах, когда он проезжал по улицам города на машине.

Он снял темные очки и вошел в ресторан. Внутри, по обе стороны от ведущей наверх лестницы, располагалось два зала, заставленных маленькими квадратными столиками. Стены были окрашены в персиковый цвет, и в залах царил почти домашний уют. В глубине, в задней части здания, находилась кухня.

Когда Джереми вошел в зал, там воцарилась тишина и все взоры обратились на него, так же как на террасе. Однако как только он приветственно кивнул и помахал рукой, все успокоилось и, вернувшись к тарелкам и разговорам, перестали обращать на него внимание. Это действовало как взмах волшебной палочки. «Похоже, такой у них условный знак», – подумал Джереми.

Пока он стоял, вертя в руках темные очки и размышляя, у кого бы спросить про Дорис, из кухни вышла одна из официанток – на вид лет двадцати восьми, высокая, тоненькая как тростинка, с улыбающимся открытым лицом.

– Пожалуйста, садитесь за любой столик, – прошептала она. – Через минуту я к вам подойду.

Джереми удобно устроился за столиком у окна, и официантка тут же явилась, не заставив себя долго ждать. На груди у нее была карточка с надписью «Рейчел». Джереми уже заметил, что все работники сферы обслуживания в этом городе носили на груди подобные карточки. Очевидно, так здесь было принято. Так же, как приветствовать всех знакомых и незнакомых кивком головы и взмахом руки.

– Что будете пить?

– У вас есть капучино? – спросил Джереми.

– К сожалению, нет. Могу предложить вам кофе.

– Замечательно, давайте кофе, – улыбнулся Джереми.

– Что еще будете? Если хотите заказать что-то из еды, то меню на столе – пожалуйста, выбирайте.

– Нет, спасибо, а вы не подскажете: здесь ли сейчас Дорис Макклеллан?

– Да, она здесь, на кухне, – ослепительно улыбнувшись, сказала Рейчел. – Вам ее позвать?

– Если вас не затруднит.

Официантка опять улыбнулась:

– Ну что вы, конечно же, нет.

Джереми проводил взглядом Рейчел, которая прошествовала в глубь зала и, толкнув створчатую дверь, скрылась на кухне. Почти сразу же оттуда вышла женщина лет шестидесяти – очевидно, та самая Дорис. Она оказалась полной противоположностью Рейчел – невысокая, полная, с седеющими светлыми волосами. Дорис была в блузке в цветочек и фартуке, и Джереми обратил внимание на отсутствие у нее карточки с именем. Женщина подошла к его столу и, подперев руками поясницу, расплылась в улыбке.

– Какой сюрприз, – сказала она, – к нам пожаловал сам Джереми Марш!

– Как вы меня узнали? – удивился Джереми.

– Ну как же вас не узнать! Я видела вас в передаче «Прайм-тайм» на прошлой неделе. Так, значит, вы получили мое письмо?

– Да, получил. Спасибо.

– И вы приехали к нам, чтобы написать статью о привидениях?

Джереми пожал плечами:

– Да, что-то в этом роде. Как получится.

– Все понятно... – сказала Дорис. Говорила она с сильным южным акцентом, проглатывая половину звуков. – Но почему вы заранее не сообщили мне о своем приезде?

– Я предпочитаю приезжать неожиданно. Иногда это помогает получить более достоверную информацию.

– Все понятно, – повторила Дорис и выдвинула из-за стола стул. – Не возражаете, если я присяду? Вы ведь приехали сюда, чтобы поговорить со мной?

– Да, но я не хочу, чтобы у вас были из-за меня неприятности. Боюсь, ваш босс будет недоволен – ведь вы на работе.

Дорис обернулась назад, к кухне, и крикнула:

– Слушай, Рейчел, как ты думаешь, хозяйка не будет возражать против моего разговора с этим господином?

Рейчел выглянула из дверей кухни, и в ее руках Джереми увидел кофейник.

– Думаю, хозяйка будет совсем не против, – сказала Рейчел. – Она ведь любит поболтать. Особенно если собеседник такой милый молодой человек.

Дорис снова повернулась к Джереми.

– Вот видите, – сказала она. – Никаких проблем.

Джереми улыбнулся:

– Я вижу, у вас здесь очень теплая атмосфера.

– Да.

– И, насколько я понял, вы и есть хозяйка.

– Именно так, – подтвердила Дорис с довольной улыбкой.

– А вы давно занимаетесь этим бизнесом?

– Уже почти тридцать лет. У нас весь город завтракает и обедает. Мы начали готовить здоровую пищу еще до того, как она вошла в моду повсюду, и у нас самые лучшие омлеты во всей округе. Кстати, не хотите ли перекусить? – спросила Дорис, слегка подавшись вперед. – Вы должны попробовать наши сэндвичи. У нас все самое свежее, мы даже хлеб печем ежедневно. Что бы вам посоветовать? – Она изучающе посмотрела на Джереми. – Думаю, вам должен понравиться куриный сэндвич с брюссельской капустой, огурцами, помидорами и моим фирменным соусом песто.

– Ну, в общем-то я не то чтобы слишком голоден.

В этот момент подошла Рейчел с двумя чашками кофе.

– Что ж, как хотите... Просто когда на столе вкусная еда, и разговор идет лучше.

– Ну хорошо, – согласился Джереми. – Куриный сэндвич с соусом песто – звучит довольно заманчиво.

Дорис широко улыбнулась:

– Рейчел, будь добра, принеси нам два «Албемарла».

– С удовольствием, – ответила Рейчел и с интересом посмотрела на Джереми. – А кто этот наш новый гость? Никогда его раньше здесь не видела.

– Это Джереми Марш, – ответила Дорис. – Он известный журналист, приехал сюда, чтобы написать статью о нашем замечательном городе.

– Правда? – спросила Рейчел.

– Да, – подтвердил Джереми.

– Ой, ну слава богу! – всплеснула руками официантка. – А то уж я подумала, что вы приехали к кому-то на похороны.

Джереми не успел ничего ответить, а Рейчел уже шагала по направлению к кухне. Увидев выражение его лица, Дорис расхохоталась.

– У нас уже побывал Тулли, у которого вы спрашивали, как проехать на кладбище, – пояснила она. – Ему сразу пришло в голову, что я имею некоторое отношение к вашему приезде, и он решил отправиться ко мне, чтобы все разузнать. В общем, он пересказал нам весь ваш разговор – упомянул и о том, как проехался насчет вашей черной одежды, и Рейчел не смогла удержаться, чтобы тоже вас не поддеть.

– Ах вот оно что, – сказал Джереми.

Дорис чуть наклонилась к нему:

– Могу представить – он замучил вас своими разговорами.

– Да, немного.

– Тулли всегда был ужасным болтуном. Он готов разговаривать с собственной тенью, если рядом никого больше нет. Представляю, как от этого страдала его жена Бонни. Двенадцать лет назад она оглохла, и теперь он донимает клиентов и всех, кто ему попадется на пути. Сегодня я еле-еле его отсюда спровадила. Там, где появляется Тулли, вся работа застопоривается.

Джереми взял чашку.

– Так, говорите, его жена оглохла?

– Да. Наверное, Всевышний сжалился над ней, решив, что она уже достаточно помучилась со своим мужем.

Джереми засмеялся и отхлебнул глоток кофе.

– Но как Тулли догадался, что я имею какое-то отношение к вам?

– Видите ли, когда в городе происходит что-нибудь необычное, то я всегда тем или иным образом оказываюсь к этому причастна. Ведь я, между прочим, местный экстрасенс. – Поймав скептический взгляд Джереми, Дорис рассмеялась: – Насколько я понимаю, вы не верите в экстрасенсов?

– Не верю, – подтвердил он.

Дорис поправила передник.

– Знаете, в некотором смысле вы правы. Большинство людей, называющих себя экстрасенсами, просто шарлатаны. Однако некоторые все же действительно обладают особым даром.

– В таком случае... если вы экстрасенс, значит, можете читать мои мысли?

– Не буду хвастаться – такое мне удастся нечасто, – призналась Дорис, покачивая головой. – Конечно, у меня неплохая интуиция, но все же чтение мыслей не по моей части. А вот моей маме в этом не было равных. От нее никто не мог ничего скрыть. Она даже всегда знала, что я собираюсь подарить ей на день рождения! Мне до нее далеко, но у меня есть способности несколько иного свойства. Я лозоискатель. И еще я могу определить пол ребенка, который должен родиться.

– Ясно.

Дорис посмотрела на него:

– Вы мне не верите?

– Ну хорошо. Допустим, вы лозоискатель и можете найти под землей воду и сказать, где нужно рыть колодец.

– Да, именно так.

– А что, если я предложу вам пройти проверку ваших способностей с помощью научных методов, под строгим контролем?..

– Да пожалуйста, проверяйте. Даже если вам придется с головы до ног обвешать меня всякими датчиками, мне это нисколько не мешает.

– Вот как... – произнес Джереми, вспомнив знаменитого Ури Геллера. Тот был настолько уверен в своих телекинетических способностях, что в 1973 году отважился выступить на британском телевидении в присутствии ученых и зрителей. Тогда он продемонстрировал свои

сверхъестественные способности: положив ложку поперек вытянутого пальца, он удерживал ее в горизонтальном положении некоторое время, и наконец, на глазах изумленных зрителей, оба конца ложки стали сгибаться книзу. Впоследствии скептикам удалось докопаться до истинной причины этого явления. Оказалось, перед выступлением Геллер многократно сгибал и разгибал ложку посередине, что вызвало усталость металла и сделало его чрезвычайно податливым.

Дорис, казалось, читала его мысли.

– Ну что ж, – сказала она, – я ничего не имею против того, чтобы вы проверили мои способности... Но только вы ведь не для этого ко мне приехали. Вас интересуют привидения, обитающие на кладбище Седар-Крик, не так ли?

– Да. – Джереми обрадовался, что они перешли к делу. – Вы не будете возражать, если я запишу наш разговор на диктофон?

– Да, пожалуйста.

Джереми достал из кармана куртки маленький диктофон, поставил его посередине стола и нажал кнопку. Отхлебнув из чашки немного кофе, Дорис стала рассказывать:

– Итак, все это началось еще в девяностых годах девятнадцатого века. В те времена темнокожие жили в основном за пределами города – в поселении, которое называлось Уоттс-Лэндинг. Правда, теперь его уже нет – после Газели там камня на камне не осталось...

– Простите... какой Газели?

– Урагана 1954 года. Неужели не знаете? Это был сильнейший ураган на побережье южных штатов. Тогда почти весь Бун-Крик оказался затоплен, а Уоттс-Лэндинг был полностью смыт водой.

– Ах да, я вспомнил, извините. Продолжайте, пожалуйста.

– Как я уже сказала, никакого поселения теперь там нет. Ну а тогда, в конце девятнадцатого века, там проживало, думаю, человек триста. В большинстве своем это были потомки рабов, бежавших из Южной Каролины во время агрессии Севера или, как вы, янки, ее называете – Гражданской войны. – Дорис подмигнула, и Джереми сдержанно улыбнулся. – Так вот, в конце девятнадцатого века в этих краях собрались прокладывать железную дорогу, которая должна была соединить наше захолустье с цивилизованным миром. Однако, согласно проекту, дорогу планировали проложить прямо через негритянское кладбище: останки захороненных там людей предполагалось выкопать и перевезти в другое место. Естественно, это возмутило афроамериканцев, живших в Уоттс-Лэндинге, и они стали добиваться от местных властей изменения проекта. Главную роль в этом деле играла одна женщина, пользовавшаяся у них в деревне большим авторитетом. Ее звали Хетти Дюбиле, и она была родом откуда-то с Карибских островов. Что только она не делала, чтобы достучаться до властей и убедить их не трогать кладбище, но все было бесполезно – никто не соизволил ее выслушать.

В этот момент появилась Рейчел и поставила на стол две тарелки с сэндвичами.

– Ешьте, пожалуйста, – сказала Дорис. – А то у вас одна кожа да кости.

Джереми взял сэндвич и, попробовав его, выражая одобрение, удивленно вскинул брови. Дорис заулыбалась:

– Ну как? Разве у себя в Нью-Йорке вы можете найти что-нибудь подобное?

– Конечно, нет. Мои поздравления шеф-повару.

Дорис посмотрела на него с некоторым кокетством.

– Вы просто очаровательны, мистер Марш, – сказала она, и Джереми подумал, что в молодости эта женщина, вероятно, разбила немало сердец.

Через несколько секунд Дорис снова увлеченно продолжала свою историю:

– В те времена очень многие были расистами. Да у нас и до сих пор такие остались, правда, сейчас их немного. Вам, наверное, все это про расизм кажется выдумками...

– Да нет, почему же, я вам верю.

– Нет, не верите. Ни один человек, приехавший с Севера, в это не верит. Ну да ладно, вернемся к нашей истории. Хетти Дюбиле была разгневана, что ее нигде не принимали, и, когда ее в очередной раз не пустили к мэру, она произнесла в гневе проклятие. Согласно легенде, она сказала, что если будут осквернены могилы их предков, то та же участь постигнет и могилы белых людей. Потревоженные души умерших будут упорно возвращаться на место прежнего захоронения, и кладбище Седар-Крик, лежащее у них на пути, будет постепенно разрушаться и проваливаться, пока в конце концов не исчезнет с лица земли. Разумеется, словам Хетти тогда никто не придавал значения. – Дорис откусила кусочек сэндвича. – Ну, поскольку нет смысла распространяться на эту тему, сразу скажу, чем закончилось дело: негры перезахоронили останки своих предков, железная дорога была построена, а потом, как и предвещала Хетти, кладбище Седар-Крик начало разрушаться. Сначала повреждения были незначительными: на кладбище обнаружили несколько расколовшихся надгробий, как будто поврежденных вандалами. Городские власти выставили там сторожей, думая, что это дело рук чернокожих, решивших привести в исполнение проклятие Хетти. Однако как кладбище ни охраняли, оно продолжало неуклонно разрушаться. И со временем этот процесс приобрел просто ужасающие масштабы. Вы ведь уже успели там побывать?

Джереми молча кивнул.

– Значит, вы представляете, что там сейчас происходит. Кажется, это место оседает, проваливается под землю, верно? Так что предсказание Хетти сбывается. И ко всему прочему, через несколько лет после того, как на кладбище были замечены первые признаки разрушения, там стали появляться таинственные огни. С тех пор все уверились в том, что по кладбищу бродят потревоженные души умерших.

– Я так понял, на этом кладбище больше не хоронят?

– Нет. Оно было окончательно заброшено в конце семидесятых годов. Но и раньше там хоронили очень редко, поскольку все знали, что там происходит. Седар-Крик – собственность округа, но власти не уделяют ему ни малейшего внимания. Вот уже лет двадцать о нем никто не заботится.

– А никто не пытался разобраться в том, почему кладбище оседает?

– Точно сказать не могу, но я почти уверена, что пытались. Кому хочется, чтобы могила его бабушки разрушилась и провалилась под землю? У многих влиятельных жителей нашего города на этом кладбище были похоронены родственники, и наверняка люди что-то предпринимали, чтобы разобраться в происходящем. Я слышала, из Роли кто-то приезжал, чтобы выяснить причину разрушений на кладбище.

– Вы имеете в виду исследователей из Университета Дьюка?

– Да нет, вовсе не их. То были всего-навсего студенты, и они приезжали в прошлом году, а я говорю о более давних временах – когда разрушения еще только начинались.

– Но вам неизвестно, удалось ли тогда что-то выяснить?

– Нет, об этом история умалчивает. Однако... – Дорис сделала многозначительную паузу и загадочно сверкнула глазами, – думаю, я могу назвать причину, по которой кладбище оседает.

Джереми приподнял брови:

– И что же это за причина?

– Вода, – спокойно сказала Дорис.

– Вода?

– Да, ведь я говорила вам, что умею искать воду с помощью лозы. И я уверена, что кладбище оседает именно потому, что под ним – вода. Я знаю это совершенно точно.

– Понятно, – сказал Джереми.

Дорис рассмеялась:

– Вы такой забавный, мистер Марш. Когда вы слышите то, во что не хотите верить, у вас делается такое серьезное лицо – просто смех разбирает. Вам никогда не говорили об этом?

– Нет, никогда.

– Но это действительно так, и, по-моему, это даже придает вам некое очарование. Моей маме было бы интересно пообщаться с вами. Ваши мысли так легко читать.

– Ну и о чем же я сейчас думаю?

– Видите ли, – помолчав, ответила Дорис, – моей маме не составило бы труда прочитать все ваши мысли, как открытую книгу. Я, конечно, тоже способна угадывать кое-что, но главный мой дар, как я вам уже говорила, заключается не в этом. И к тому же мне бы не хотелось вторгаться в ваш внутренний мир.

– Почему же? Я ничего не имею против.

– Хорошо. – Дорис изучающе посмотрела на Джереми. – Подумайте о чем-нибудь таком, чего я не могу знать. Но еще раз оговорюсь, чтение мыслей – не мой дар. Я всего лишь могу... почувствовать иногда, о чем думает человек, и то при условии, что эти мысли связаны с сильными душевными переживаниями.

– Все понятно, – заметил Джереми. – Но согласитесь, что этими словами вы все же подстраховываете себя на случай неудачи.

– Оставим разговоры, сосредоточьтесь, – попросила Дорис, коснувшись его рук. – Я должна держать вас за руки, вы не возражаете?

Джереми кивнул:

– Конечно, нет.

Дорис стиснула его руку.

– Сосредоточьтесь. Будьте серьезнее. Сейчас вы просто играете со мной.

– Хорошо, – сказал Джереми. – Буду серьезным.

Джереми закрыл глаза и стал думать о Марии, о причине их окончательного разрыва. Дорис молчала и пристально смотрела на него, словно дожидаясь, когда он сам заговорит и чем-нибудь выдаст себя.

Джереми уже бывал в такой ситуации. И не один раз. Он достаточно хорошо изучил уловки так называемых экстрасенсов и понимал, что ему нужно молчать. Дорис по-прежнему ничего не говорила, и он с удовлетворением подумал, что не дал себя одурачить. Неожиданно она вздрогнула (ничего удивительного, стандартный прием всех «ясновидящих») и тут же отпустила его руку. Джереми открыл глаза и взглянул на нее:

– Ну что?

Дорис смотрела на него каким-то странным взглядом.

– Ничего, – сказала она.

– Ну что ж, – произнес Джереми, – кажется, сегодня звезды не благоприятствуют чтению мыслей. Хорошо, не беда.

– Просто я взялась не за свое дело, – словно извиняясь, улыбнулась Дорис. – Найти воду под землей, определить пол ребенка – это пожалуйста, а уж за остальное, наверное, мне лучше не браться... Единственное, что могу вам точно сказать, так это то, что вы не ждете ребенка.

Джереми усмехнулся:

– Да, в этом вы абсолютно правы.

Смущенно улыбнувшись, Дорис опустила глаза, потом подняла их и посмотрела ему прямо в лицо:

– Простите. Мне не следовало пытаться. Ведь это не мое дело.

– Ладно, не получилось – так не получилось, ничего страшного, – сказал Джереми.

Дорис вздохнула, снова взяла его за руку и слегка пожалала ее.

– Простите меня, мне очень жаль.

Джереми несколько растерялся, и его поразило сочувствие, появившееся в глазах Дорис. И где-то в глубине души у него возникло смутное ощущение, что она узнала о нем больше, чем следовало бы знать постороннему человеку.

Джереми всегда был уверен, что ясновидение – не более чем результат взаимодействия жизненного опыта, здравого смысла и имеющихся в распоряжении человека сведений. Большинство людей недооценивают колоссальный объем информации, получаемый ими на протяжении жизни, а между тем вся эта информация образует в человеческом мозгу такую совершенную систему, какая немыслима для любого другого живого существа или машины.

Однако мозг человека обладает свойством «не замечать» большую часть поступающей информации, поскольку, совершенно очевидно, нет необходимости помнить абсолютно все. При этом память у всех различная, и, как показывает опыт, ее можно развивать и улучшать систематическими тренировками. Как бы то ни было, даже самые неспособные студенты помнят 99,99 процента того, что относится к их повседневной жизни. Способность же замечать и запоминать мелочи – ту самую одну сотую процента – и отличает одних людей от других. Именно благодаря внимательности к мелочам человек может стать, например, выдающимся исследователем или финансистом, а при наличии определенного психологического чутья – и «ясновидящим», чьи исключительные аналитические способности окружающие принимают за сверхъестественные.

Но с Дорис дело обстояло так просто... Джереми показалось – по крайней мере сначала, – будто она и в самом деле прочитала его мысли. Но в конце концов он, как всегда, склонился к рациональному объяснению.

«Ну а что, собственно, произошло?» – спросил он себя. Ведь Дорис ничего ему не сказала – она просто посмотрела на него так, словно ей что-то открылось. Только и всего. Остальное было плодом его воображения. Так что, если рассуждать логически, ничего необычного здесь не было и быть не могло. В то же время Дорис вовсе не походила на тех прожженных шарлатанов, которых ему нередко доводилось встречать. Она была такой искренней и непосредственной... Должно быть, действительно верила в свои сверхъестественные способности.

И Дорис опять как будто прочитала его мысли.

– Ну что, наверное, вы решили, что я немного с приветом? – спросила она.

– Да нет, что вы, – ответил Джереми.

Дорис снова потянулась за сэндвичем.

– Знаете что, – предложила она, – давайте пока просто насладимся вкусной едой и поболтаем. Что бы вам хотелось узнать? О чем вам рассказать?

– Расскажите, пожалуйста, о своем городе, – попросил Джереми.

– Что именно вас интересует?

– О, да все, что угодно. Раз уж я приехал сюда проводить расследование, то хотелось бы узнать что-нибудь и о самом Бун-Крике.

Дважды просить не пришлось, и следующие полчаса Дорис без умолку рассказывала о жизни в их городке – правда, не совсем то, что могло пригодиться Джереми для расследования. Оказалось, она осведомлена о городской жизни и сплетнях даже лучше, чем Тулли. Но ясновидение тут было ни при чем – просто в таком маленьком городке, как Бун-Крик, ничего нельзя утаить от других, тем более от хозяйки популярного местного ресторанчика.

Дорис все говорила и говорила. Джереми узнал от нее много совершенно ненужных ему подробностей о жителях городка: кто из них чем занимался, с кем водил дружбу и какие у кого странности. Кроме того, она сочла необходимым довести до его сведения тот любопытный факт, что пастор местных пятидесятников состоял в любовной связи с одной из прихожанок. Также Дорис предупредила Джереми, что, если в дороге у него внезапно сломается машина, ни в коем случае не стоит звонить в эвакуаторскую службу Тренора, потому что тот в любое время суток может оказаться пьян.

– Он просто опасен на дороге, – доверительно сообщила Дорис. – У нас в городе все это знают, но он сын шерифа, и поэтому никто даже не пытается на него жаловаться. А вообще

шериф Уоннер и сам хорош: он заядлый игрок и всегда по уши в долгах. Так стоит ли удивляться, что у него такой сын?

– Да, – понимающе кивнул Джереми с таким видом, будто сам прекрасно знал и беспутного Тревоора, и его папашу. – Яблоко от яблони недалеко падает.

Они немного помолчали, и Джереми взглянул на часы.

– Вы куда-то торопитесь? – спросила Дорис.

– Да. Я хочу заехать в библиотеку, пока она не закрылась... мне нужно порыться в книгах.

– Ну что ж, не буду вас задерживать. Была рада вас угостить. Не каждый день к нам заглядывают такие замечательные личности.

– Да о чем вы? Единственное появление в прямом эфире «Прайм-тайм» еще не делает человека знаменитостью.

– Да, конечно. Но я имела в виду вашу колонку в «Сайентифик американ».

– Вы читаете наш журнал?

– Каждый месяц. Мой покойный муж, пусть земля ему будет пухом, очень любил его. И когда он умер, у меня не хватило духу отказаться от подписки. Это было в некотором роде его наследство. А ваши статьи мне действительно очень нравятся.

– Спасибо, – сказал Джереми.

Они прошли через зал к выходу, и немногие посетители, еще остававшиеся за столиками, проводили их взглядами. Несомненно, разговор хозяйки ресторана с загадочным незнакомцем очень их заинтересовал. И как только Джереми с Дорис скрылись за дверью, все тотчас оживленно заговорили.

– Она сказала, что видела его по телевизору? – спросил кто-то.

– Да, кажется, его показывали в каком-то ток-шоу, – ответил другой.

– По крайней мере он точно не доктор, – вмешался третий. – Я слышал, как они разговаривали о какой-то статье в журнале.

– Но откуда все-таки Дорис его знает? Кто он такой?

– Во всяком случае, по-моему, он очень интересный молодой человек.

– Да, он просто душа, – вставила Рейчел.

Джереми и Дорис тем временем стояли на террасе, не подозревая о том, какое бурное обсуждение происходило в зале.

– Вы, наверное, собираетесь остановиться в гостинице «Гринлиф»? – поинтересовалась Дорис и, когда Джереми кивнул, спросила: – Вам рассказать, как туда проехать? Эта гостиница находится далеко от центра.

– Спасибо, у меня есть карта, – сказал Джереми, стараясь показать, что он все предусмотрел заранее. – Думаю, гостиницу я найду. А что касается библиотеки, то, чтобы сэкономить время, не могли бы вы мне объяснить, как туда проехать?

– Конечно. – Дорис махнула рукой в сторону дороги. – Она неподалеку – за углом. Видите то кирпичное здание с синим навесом?

Джереми кивнул.

– Там повернете налево и поедете до первого светофора, а потом на первую улицу направо. На углу и увидите библиотеку. Это старинное белое здание. Раньше оно принадлежало Хорасу Мидлтоу, а потом его купила администрация округа.

– Но почему для библиотеки не построили новое здание?

– Зачем? Городок у нас маленький, а старое здание вполне просторное. Впрочем, вы сами все увидите.

Джереми протянул ей руку:

– Спасибо за все. Было очень приятно с вами познакомиться. А ленч оказался просто великолепным.

– Спасибо, рада, что вам понравилось.

– Вы не будете против, если я еще раз загляну к вам и мы продолжим разговор? Думаю, вы мне многое сможете объяснить.

– Пожалуйста, приезжайте в любое время, когда вам потребуется помощь. Я всегда к вашим услугам. Только у меня к вам одна просьба: мне бы очень не хотелось, чтобы вы в статье представили наш родной Бун-Крик дремучим, забытым богом захолустьем. Поверьте, мы все очень любим свой город – и его действительно есть за что любить.

– Я пишу только правду.

– Знаю, – сказала Дорис. – Поэтому к вам и обратилась. Я вам доверяю и уверена, что именно вы сможете найти объяснение этой легенде и расставить все по своим местам.

Джереми вскинул брови:

– Так вы считаете, что на кладбище Седар-Крик нет привидений?

– Ну конечно же, нет! Я давным-давно об этом твержу, но никто не хочет меня слушать.

Джереми удивленно посмотрел на нее:

– Тогда зачем же вы меня вызвали?

– Понимаете, пока людям не объяснят истинную причину огней, они будут верить, что по кладбищу бродят привидения. После того как в газете написали про исследование, проведенное студентами из Университета Дьюка, наш мэр как одержимый кинулся раскручивать эту легенду о привидениях и к нам в город потянулись люди, желающие увидеть огни на кладбище. Скажу вам прямо – это создает множество проблем, и кладбище с каждым днем разрушается все сильнее и сильнее. – Дорис немного помолчала и затем продолжила: – Там собираются подростки и бродят любопытные, которые обычно не очень-то бережно относятся к тому, на что они приехали поглазеть. Словом, на кладбище царит полный хаос, но шериф на это закрывает глаза – он ведь закадычный друг мэра, они вместе охотятся. И вообще в нашем городе почти все считают, что раскручивать легенду о привидениях – очень хорошая идея. С тех пор как у нас закрылись ткацкая фабрика и рудник, жизнь стала угасать, и люди верят, что таинственная история о призраках на кладбище может привлечь к нам туристов и спасти город.

Джереми задумчиво посмотрел на свою машину и снова перевел взгляд на Дорис, размышляя над тем, что она ему рассказала. Конечно, все это было логично, однако...

– Вам не кажется, что ваши слова как-то не согласуются с тем, что вы написали в письме?

– Вовсе нет, – возразила Дорис. – Письмо ничуть не противоречит моему рассказу, и в нем нет ни слова неправды. Я писала, что на кладбище у нас появляются по ночам загадочные огни, которые большинство жителей нашего города считают призраками, а приезжавшие к нам студенты из Университета Дьюка так и не смогли объяснить, что это такое. Если не верите, перечитайте письмо еще раз – и вы убедитесь, что там нет ничего, кроме этого. Мне ни к чему вас обманывать, мистер Марш.

– Ну а почему вы хотите, чтобы я развенчал этот миф?

– Потому, что все это неправильно, – со спокойной уверенностью сказала Дорис. – Когда по кладбищу постоянно бродят посторонние люди, туристы – это проявление неуважения по отношению к похороненным там усопшим. Мертвые заслуживают того, чтобы пребывать в тишине и покое, но многие так и норовят потревожить их сон. Теперь вот еще придумали включить посещение кладбища в тур по историческим местам нашего города. Ведь это форменное безобразие! Я, как могу, протестую против этого, но, к сожалению, мои слова сейчас – глас вопиющего в пустыне.

Джереми сунул руки в карманы и задумчиво покачал головой.

– Вы позволите мне быть откровенным? – спросил он.

Дорис кивнула, и Джереми в раздумье переступил с ноги на ногу.

– Видите ли, поскольку вы не сомневаетесь в своих сверхъестественных способностях и верите, что и ваша мама была ясновидящей, то, казалось бы...

Джереми замялся, и Дорис внимательно на него посмотрела.

– Вы хотите сказать: кому, как не мне, верить в привидения?

– Ну да, – кивнул он.

– Что ж, в существование призраков я действительно верю. Вот только на этом кладбище их нет.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я там была и не почувствовала присутствия духов.

– Так вы и это можете?

Дорис пожала плечами.

– Могу я тоже быть откровенной?

– Конечно.

– Однажды вам придется столкнуться с чем-то таким, что нельзя будет объяснить научно, рационально. И когда это случится, в вашей жизни произойдут такие изменения, каких вы даже представить не можете.

Джереми улыбнулся:

– Это что – предсказание?

– Да, вроде того, – заглянув ему в глаза, ответила Дорис и, немного помолчав, уже совсем другим тоном добавила: – Ну что ж, еще раз спасибо за то, что приехали. Рада была с вами познакомиться. Не каждый день выпадает случай пообщаться с таким приятным молодым человеком. Я словно помолодела.

– Я тоже очень рад нашей встрече. Было приятно побеседовать с вами.

Распрощавшись с Дорис, Джереми повернулся и направился к машине. За то время, что он провел в ресторане, небо покрылось тучами – они были как напоминание о зиме, – и Джереми, поежившись, поднял воротник куртки.

– Мистер Марш! – окликнула его Дорис.

Джереми обернулся:

– Да?

– Передайте от меня привет Лекс.

– Лекс?

– Да, – сказала Дорис. – Так зовут библиотекаря.

– Хорошо, – улыбнулся Джереми. – Передам.

Глава 4

Библиотека располагалась в огромном готическом здании, занимавшем большую часть улицы и сильно отличавшемся от обычных построек этого города. Оно казалось старинным румынским замком, перенесенным сюда, в Бун-Крик, какой-то фантастической силой.

Это было двухэтажное здание с крутой покатой крышей, двумя рядами узких окон и большими деревянными дверями с массивными металлическими кольцами. Такой дом, несомненно, пришелся бы по вкусу Эдгару Аллану По. Здание было похоже на замок с привидениями, но было заметно, что городские власти как могли старались сгладить это впечатление. Кирпичные стены – некогда красновато-коричневые – теперь выкрасили в белый цвет, на окна поставили ставни, а вдоль тротуара на клумбах росли анютины глазки. Над входом висела позолоченная табличка с выгравированной надписью «Добро пожаловать в библиотеку Бун-Крика!». Однако, несмотря на это, библиотека выглядела как дом с привидениями.

Войдя внутрь, Джереми очутился в ярко освещенном вестибюле, стены которого были покрыты бледно-желтой краской. В глубине, за стеклянными дверями, просматривался детский читальный зал. Слева находились туалетные комнаты, а справа, тоже за стеклянными дверями, располагался, очевидно, основной зал библиотеки. Джереми кивнул и приветственно помахал рукой пожилой женщине, сидевшей за длинной L-образной стойкой в вестибюле. Женщина, улыбнувшись, помахала ему в ответ и снова углубилась в чтение. Джереми, чрезвычайно довольный тем, что он хорошо освоился в незнакомом городе, толкнул тяжелую стеклянную дверь и вошел в зал.

Осмотревшись, он с разочарованием отметил, что эта провинциальная библиотека оказалась намного хуже, чем можно было предположить. Зал, освещенный яркими флуоресцентными лампами, был совсем маленький, чуть больше его нью-йоркской квартиры, и все имевшиеся здесь книги умещались на шести небольших стеллажах. В углах по обе стороны от входа стояли старенькие компьютеры, а в правой части зала находился крошечный отдел периодики. У стеллажей копошились три человека. Один – пожилой мужчина со слуховым аппаратом – расставлял книги на полках. Окинув взглядом стеллажи, Джереми подумал, что он за свою жизнь приобрел больше книг, чем было собрано в этой библиотеке.

Джереми подошел к стойке библиотекаря, за которой, однако, никого не было. Облокотившись о стойку, он обернулся и вопросительно посмотрел на седого мужчину, наводившего порядок на полках. Вероятно, это и был тот самый Лекс, о котором ему говорила Дорис.

Джереми подождал, посмотрел на часы и снова взглянул на седого мужчину. Тот продолжал спокойно расставлять книги, не обращая на него никакого внимания.

После нескольких минут терпеливого ожидания Джереми довольно громко покашлял, и мужчина наконец посмотрел в его сторону. Джереми кивнул и помахал ему рукой, всем своим видом демонстрируя, что будет очень рад, если библиотекарь соизволит к нему подойти. Мужчина тоже приветливо кивнул и помахал рукой, но вместо того, чтобы заняться посетителем, снова продолжил как ни в чем не бывало расставлять книги. Определенно здесь не принято было спешить. «Ну и порядки», – подумал Джереми.

Она смотрела на улицу из окна маленького, заваленного бумагами кабинета, расположенного на втором этаже. Появление этого человека не стало для нее неожиданностью. Дорис позвонила ей сразу, как только он уехал из ресторана, и сообщила, что скоро у нее в библиотеке появится человек, одетый во все черное, – журналист, приехавший из Нью-Йорка писать статью о привидениях на кладбище.

Она задумчиво покачала головой. Когда Дорис загоралась какой-то идеей, ничто не могло заставить ее отступить. И сейчас она, конечно же, приложила все усилия, чтобы заинтересо-

вать журналиста этой историей. Но кто знает, чем все это обернется? Ей доводилось читать статьи Джереми Марша, и она представляла, что он мог написать. Едва ли и теперь он ограничится лишь развенчанием легенды о привидениях. Наверняка в его планы входило также и написание очерка о городе и его жителях. Это означало, что обаятельный журналист будет расспрашивать людей о том о сем, а потом состряпает издевательскую статью, извратив все по своему усмотрению и представив жителей Бун-Крика глупыми, невежественными и суеверными провинциалами.

Она закрыла глаза, рассеянно теребя пальцами пряди темных волос. Нет, приезд этого человека явно не сулил ничего хорошего. И вообще ажиотаж вокруг огней на кладбище был в высшей степени возмутителен. Теперь все, кому не лень, бродили среди могил, тревожа покой усопших. Все началось после того, как в городке побывали студенты из Университета Дьюка и в газете появилась статья о таинственных огнях на кладбище. Но зачем нужно было так раздувать эту историю? Огни появились на кладбище много десятилетий назад – все об этом знали, но никого это особенно не волновало. Конечно, и раньше туда наведывались любопытные – в основном подростки или подвыпившие разгильдяи, заскучавшие в баре «Эй, я тебя люблю!». Сверхъестественное всегда привлекало людей, противостоять этому было невозможно. Но выпускать для туристов футболки, кофейные кружки с надписями, открытки с видами Седар-Крика, да еще включить посещение кладбища в экскурсию по историческим местам города, – это слишком.

И почему все помешались на идее привлечения в город туристов? Конечно, туризм мог служить неплохим источником дохода. Но разве люди жили в Бун-Крике ради обогащения? Большинство совершенно искренне любили свой город и не покинули бы его ни при каких обстоятельствах. Однако, как бывает всегда, кучка людей (во главе с мэром) обрадовалась возможности извлечь выгоду из сложившейся ситуации – в результате и началась эта кампания по раскручиванию старой легенды. Но все равно – она была уверена в этом – большинству жителей Бун-Крика родной город был дорог прежде всего потому, что здесь можно было с восторгом наблюдать вечерами, как заходящее солнце превращает реку Памлико в золотую блестящую ленту, потому что здесь все знали своих соседей и доверяли им и потому что здесь можно было не бояться за своих детей, играющих на улице допоздна. В то время как другие города с каждым годом становились все беспокойнее и суетливее, Бун-Крик не старался угнаться за ними – в этом и заключалась его особая прелесть.

Здесь ей нравилось все – запах сосен и соленой воды весенним утром, влажный воздух жарких летних вечеров и огненные расцветки листвы золотой осенью. Но больше всего ей были дороги люди, живущие в родном городе. Она знала, что таких открытых, теплых отношений, какие связывали жителей Бун-Крика, ей не найти больше нигде. Однако далеко не вся молодежь так относилась к родному городу: многие из ее друзей после окончания колледжа не захотели возвращаться сюда. Она тоже некоторое время жила вдали от родных мест, но для нее было немыслимо покинуть Бун-Крик навсегда. И она ничуть не жалела о своем возвращении: во-первых, Дорис нельзя было оставлять одну, поскольку за последние два года ее здоровье стало внушать опасения, а во-вторых, в родном городе ей нашлось занятие по душе, возможно, ждавшее именно ее долгие годы. Она стала библиотекарем, как когда-то мама, и с энтузиазмом взялась за развитие городской библиотеки, надеясь превратить ее когда-нибудь в местную достопримечательность.

Конечно, работа библиотекаря была не слишком престижной, да и зарплата невысокой, но библиотека успешно развивалась, и для нее это было главное. Правда, первое впечатление от библиотеки у многих наверняка было обманчивым. На первом этаже находилась только современная беллетристика, а вся классическая литература и некоторые особенно ценные книги современных авторов и раритетные издания хранились на втором этаже. Скорее всего, подумала она, Джереми Марш даже и не догадается, что библиотека занимает оба этажа: лест-

ница, ведущая наверх, была спрятана в глубине здания, рядом с отделом детской литературы. Конечно, этот особняк не предназначался для публичной библиотеки, и поэтому новым посетителям трудно было сразу здесь сориентироваться, но вообще здание казалось ей вполне подходящим.

В ее кабинете, находившемся наверху, всегда было тихо и спокойно, и рядом с ним располагалась ее любимая комната, где хранились самые ценные и редкие книги, собирать которые начала еще ее мать. Здесь были редкие издания, пожертвованные библиотеке или приобретенные в магазинах и у букинистов по всему штату. Также здесь лежали старинные манускрипты и географические карты, некоторые из них относились к периоду Войны за независимость. Приобретение редких книг было ее настоящей страстью. Она постоянно охотилась за ними, а когда находила что-то действительно стоящее, то не останавливалась ни перед чем, чтобы заполучить книгу, причем как можно дешевле. Она пускала в ход все свое обаяние и хитрость, а если ни то ни другое не помогало, прибегала к своему фирменному, практически безотказно срабатывавшему приему – предлагала букинистам юридическую помощь по вопросу о том, как добиться налоговых льгот. И поскольку она действительно могла оказать такую помощь, так как у нее были прекрасно налажены связи со специалистами по налоговому праву, то обычно ей удавалось завладеть желанной книгой, прежде чем о ней узнают другие библиотеки. Конечно, она была ограничена в средствах и не могла соперничать с библиотеками Дьюка, Уэйк-Фореста и Университета Северной Каролины, но среди маленьких книжных собраний ее библиотека была одной из лучших в штате, а возможно, даже во всей стране.

Да, это была именно ее библиотека – так же как Бун-Крик был ее городом. А человек, ждавший сейчас внизу, был чужаком, и его приезд скорее всего не сулил ничего хорошего ни городу, ни его жителям – ее землякам.

Она прекрасно видела, как он подъехал к библиотеке, вышел из машины и направился к дверям. Едва взглянув на него, она покачала головой: по его уверенной походке и манере держаться было заметно, что он приехал из большого города, где все привыкли считать, что живут в центре мировой цивилизации, а все остальные – в захолустье. Эти люди уверены, что провинциалы не знают и не могут знать, что такое настоящая жизнь, и поэтому верх глупости оставаться в своем убогом уголке, когда есть возможность уехать и начать новую, полноценную жизнь где-нибудь в Нью-Йорке. Несколько лет назад она увлеклась человеком, исповедовавшим такие идеи, но теперь была уверена: больше подобное не повторится.

Она посмотрела на птичку-кардинала, усевшуюся на карнизе за окном, и отогнала посторонние мысли. Пора было спуститься наконец к этому мистеру Маршу из Нью-Йорка. Наверное, он зажался. Нужно было поскорее отправиться ему на помощь, демонстрируя знаменитую приветливость южан, да и, собственно, ее прямая обязанность – помогать посетителю найти нужные книги. Однако с этим журналистом следовало держать ухо востро и не говорить ничего, что позволило бы ему потом выставить ее город в дурном свете.

Она улыбнулась. Ладно, она справится с этим мистером Маршем. Наверное, с ним даже будет приятно пообщаться – он довольно привлекателен, хотя, конечно, это не означало, что ей придется забыть об осторожности.

Вид у Джереми Марша был скучающий.

Скрестив руки на груди, он прохаживался мимо стеллажей, разглядывая корешки книг. Он хмурился, очевидно, удивляясь, что здесь не было классической литературы. Она подумала о том, как бы он отреагировал, если на его вопрос, почему у них в библиотеке нет, например, Диккенса, Чосера или Джейн Остен, она бы удивленно переспросила: «Простите, кого-кого?» Судя по тому, что она уже знала об этом журналисте, он скорее всего молча уставился бы на нее круглыми от изумления глазами – точь-в-точь как несколько часов назад на кладбище. «О, мужчины, – подумала она, – как же вы предсказуемы!»

Она одернула свитер и, настроившись как можно серьезнее, решительно направилась к нему.

– Вероятно, вы ждете меня, – сдержанно улыбнувшись, сказала она.

Услышав ее голос, Джереми повернул голову и на мгновение замер от удивления, однако в следующую же секунду широко улыбнулся, как человек, увидевший хорошего знакомого. Лицо у него было открытое и приятное, и на его щеке красовалась чрезвычайно милая ямочка. Несмотря на все это, его улыбка показалась ей слишком хорошо отрепетированной и самоуверенной.

– Вы Лекс? – спросил он.

– Да, это сокращенно от Лекси. Меня зовут Лекси Дарнелл. А Дорис называет меня просто Лекс.

– Так, значит, вы и есть библиотекарь?

– Да, я библиотекарь, – усмехнулась она, – хотя меня можно встретить не только в библиотеке, но и на кладбище.

– Все понятно, – произнес Джереми, копируя Дорис.

Лекси улыбнулась и поправила на полке книги, которые он вытаскивал, чтобы посмотреть.

– Напрасно пытаетесь подражать нашему акценту, мистер Марш, – сказала она, – у вас все равно ничего не получится.

Он беззаботно рассмеялся, нисколько не задетый ее замечанием.

– Вы так думаете?

«Определенно он привык считать себя душкой», – подумала Лекси.

– Я в этом уверена. – Продолжая поправлять на полках книги, она спросила: – Так чем я могу вам помочь, мистер Марш? Вас интересует информация о кладбище Седар-Крик?

– Я вижу, молва обо мне летит впереди меня.

– Мне только что позвонила Дорис и сказала, что в библиотеку едет журналист из Нью-Йорка.

– Ах вот оно что... – протянул Джереми. – Мне следовало это предвидеть. У нас с Дорис был долгий разговор. Очень интересная женщина.

– Кстати, она моя бабушка.

Брови Джереми поползли вверх. «Вот как? Это интересно», – подумал он, а вслух произнес:

– Должен вам сказать, что у вашей бабушки замечательный ресторан. Она рассказала вам, каким восхитительным ленчем меня угостила?

– Нет, а разве это относится к делу? – пожала плечами Лекси, заправив волосы за ухо. Ей было совершенно наплевать на то, что он такой душка и у него очаровательная ямочка на щеке. Закончив приводить в порядок книги на стеллаже, она повернулась к нему и прежним бесстрастным тоном сказала: – Не думайте, что библиотекарь целыми днями сидит сложа руки и изнывает от безделья. Я по горло завалена работой – у меня полно бумаг, с которыми нужно сегодня разобраться. Так что давайте перейдем поскорее к делу: скажите, что именно вас интересует, и я постараюсь вам помочь.

– Что именно? Да все, что угодно, – любые источники, которые помогут мне узнать как можно больше о кладбище, да и вообще о Бун-Крике. Когда появились на кладбище огни. Кто занимался их изучением и что в этом плане было сделано. Меня интересуют любые легенды и истории, связанные с Седар-Криком. Старинные карты. Информация о Райкерс-Хилле и топографическая карта местности. Старые документы. В общем, все в этом роде. – Он замолчал, пристально глядя в ее удивительные сиреневые глаза. В отличие от первой встречи на этот раз у него была возможность их хорошо рассмотреть. Они действительно были необыкновенные. – По-моему, это просто удивительно, не правда ли? – спросил он, опершись рукой о стеллаж.

– Что вы имеете в виду? – решила уточнить Лекси.

– Нашу сегодняшнюю встречу на кладбище. Бывает же такое... Я получаю письмо от вашей бабушки, приезжаю в ваш город и первым делом встречаю на кладбище вас! А потом оказывается, что вы библиотекарь и внучка Дорис. По-моему, это интересное совпадение. Вам так не кажется?

– Не знаю, я об этом не думала, но, на мой взгляд, тут совершенно нечему удивляться, – равнодушно ответила она.

Однако ее слова ничуть не обескуражили Джереми. Его вообще трудно было обескуражить, особенно когда он был чем-то очень заинтересован.

– Знаете, вот еще что хочу у вас спросить, – как ни в чем не бывало продолжил Джереми, – поскольку я в вашем городе впервые, не могли бы вы подсказать, где тут можно отдохнуть? Я имею в виду – выпить чашечку кофе, посидеть, перекусить... Порекомендуйте мне что-нибудь. – Он сделал паузу. – Ну вот, например, где бы вам хотелось посидеть сегодня после работы?

Лекси удивленно заморгала, сомневаясь, правильно ли она его поняла.

– Вы что – хотите меня пригласить? – спросила она.

– Ну да, если у вас найдется для этого время.

– Увы, не найдется, – сказала она, снова обретя обычную невозмутимость. – Но все равно спасибо за приглашение.

Она выдержала пристальный взгляд Джереми, смотревшего на нее в упор, и тот наконец сдался.

– Что ж, нет так нет, – бросил он непринужденным тоном. – Мое дело – пригласить... Кажется, это никогда не считалось преступлением. – Джереми улыбнулся, и на его щеке опять появилась ямочка. – Ну а что с моими читательскими притязаниями? Вы не могли бы принести мне что-нибудь прямо сейчас? Разумеется, если это не слишком отвлечет вас от работы с бумагами. Если сегодня вы очень заняты, то я, конечно, могу прийти завтра – как вам будет удобнее.

– Ну а с чего именно вы бы хотели начать?

– Я думаю, для начала было бы неплохо прочитать ту статью об огнях, которая была опубликована в местной газете. К сожалению, пока мне ее нигде не удалось найти. Надеюсь, в вашей библиотеке она есть?

Лекси кивнула:

– Эта статья на микрофише. Там есть все материалы нашей местной газеты за последние два года.

– Отлично, – сказал он. – Ну а как насчет информации о вашем городе?

– Ее можно найти там же.

Джереми огляделся, размышляя, где же все это спрятано, а Лекси, повернувшись, зашагала по направлению к вестибюлю.

– Пойдемте, мистер Марш. Все, что вам нужно, находится наверху.

– Наверху? – удивился Джереми.

– Да, наверху. Так вы идете?

Джереми поспешил за ней.

– Вы позволите задать вам один вопрос? – спросил он, догнав ее.

Лекси открыла дверь и, секунду колебавшись, невозмутимо разрешила:

– Да, пожалуйста, спрашивайте.

– Что вы делали сегодня на кладбище?

Она ничего не ответила и одарила его совершенно бесстрастным взглядом.

– Понимаете, просто меня очень удивило ваше появление там, – продолжал Джереми. – Ведь, насколько я понял, это кладбище давно заброшено и туда наведываются теперь только те, кто интересуется загадочными огнями. Разве не так?

Лекси продолжала молчать. «Любопытно», – подумал Джереми, но в конце концов затянувшееся молчание заставило его ощутить неловкость.

– Так я могу надеяться на ответ? – спросил он.

Она неожиданно улыбнулась и, прежде чем пройти в уже открытую дверь, подмигнула ему и сказала:

– Я позволила вам задать вопрос, мистер Марш, но я вовсе не обещала ответить.

Лекси устремилась вперед, и ошарашенному Джереми ничего не оставалось, как молча последовать за ней. Да, Элвин был прав, когда говорил, что женщины на Юге умопомрачительны. Красивая и необыкновенно уверенная в себе, Лекси была неотразима – даже после того, как так решительно отшила его.

Они прошли через вестибюль, мимо детского читального зала и поднялись по лестнице. Оказавшись наверху, Джереми поразился: второй этаж библиотеки разительно отличался от первого. Здесь было нечто большее, чем заставленные книгами полки. Гораздо большее. В просторном зале в готическом стиле царила особая атмосфера. Джереми показалось, будто он очутился в старинной частной библиотеке, насквозь пропитанной стойким запахом пыли и книг. Стены, облицованные дубовыми панелями, паркет из красного дерева, темно-бордовые портьеры на окнах – все это ничуть не походило на то, что он увидел внизу. Кроме того, в углах зала стояли мягкие кресла и лампы от «Тиффани», а у дальней стены располагался камин, над которым висела картина. Окна, хотя и довольно узкие, пропускали достаточно света, и в зале было по-домашнему уютно.

– Так вот оно что, – сказал Джереми, оглядевшись. – Значит, на первом этаже выставлено лишь немного, а основные фонды у вас здесь.

Лекси кивнула:

– Большинство читателей спрашивают в основном современную беллетристику, и поэтому для удобства мы разместили стеллажи с этими книгами внизу. Правда, зал небольшой – раньше там был кабинет.

– И где он теперь?

– Рядом с комнатой, где хранятся редкие книги. – Она показала в глубь зала.

– Редкие книги? Это впечатляет, – заметил Джереми.

Лекси улыбнулась:

– Пойдемте, для начала я вам все покажу и немного расскажу о нашей библиотеке.

Некоторое время они бродили возле стеллажей с книгами и разговаривали. Из рассказа Лекси Джереми узнал, что здание, в котором находилась библиотека, было построено в 1874 году Хорасом Мидлтоном – капитаном, разбогатевшим на транспортировке леса и табака в Старый Свет. У него было семеро детей, и он решил построить для семьи большой дом. К несчастью, незадолго до того, как строительство особняка завершили, жена капитана умерла, и он переехал с детьми в Уилмингтон. Дом пустовал, потом в нем поселилась другая семья и прожила до 50-х годов двадцатого века. Потом особняк некоторое время принадлежал Историческому обществу, и в конце концов его приобрела администрация округа, чтобы разместить в нем библиотеку.

Джереми с интересом слушал Лекси. Они медленно прохаживались, и она, прерывая время от времени рассказ, останавливалась, чтобы обратить его внимание на какую-нибудь замечательную, с ее точки зрения, книгу. Джереми вскоре почувствовал, что начитанна она даже лучше, чем он сам, – особенно это касалось классики. Впрочем, это было вполне естественно. Разве станет библиотекарем человек, не любящий книги? Лекси прервала его размышления, указав на табличку на одном из стеллажей:

– А здесь у нас книги, которые, вероятно, заинтересуют вас, мистер Марш.

Джереми прочитал: «Сверхъестественное/Магия». Замедлив шаг, но не остановившись, он успел заметить названия нескольких книг. Одна была посвящена предсказаниям Мишеля Нотрдама, более известного как Нострадамус. В 1555 году он опубликовал книгу «Центурии», одну из десяти, написанных им за всю жизнь. Однако из тысяч его предсказаний сейчас цитируют, как якобы сбывшиеся, примерно пятьдесят, что составляет ничтожные пять процентов от общего количества.

Джереми сунул руки в карманы и посмотрел на Лекси:

– Хотите знать, что я обо всем этом думаю?

– Конечно. Иногда бывает полезно услышать чужое мнение.

– Вы читали все это?

– Нет, честно говоря, я этим не увлекаюсь. Конечно, когда мы получаем новые книги, я их пролистываю, чтобы получить общее представление, но этим и ограничиваюсь.

– Мне нравится ваш подход, – заметил Джереми. – Вы поступаете разумно.

– А некоторые жители нашего города недовольны тем, что я вообще держу подобную литературу в библиотеке – особенно книги по магии. Люди считают, что они вредны для подростков.

– Еще как вредны. Ведь там все сплошная ложь.

Она улыбнулась:

– Дело совсем не в этом. Просто некоторые и в самом деле верят в магию и боятся, что подростки, начитавшись этих книг, могут невольно навлечь на город темные силы.

Джереми кивнул:

– Да, я слышал, что суеверия на Юге широко распространены.

– Только учтите, – спохватилась Лекси, – то, что я вам сейчас рассказала, не предназначено для печати. Надеюсь, вы не злоупотребите моим доверием?

– Ну что вы, конечно, нет, можете быть спокойны.

Какое-то время они продолжали идти молча, и Джереми вдруг уловил тонкий цветочный аромат ее духов. В зале становилось все темнее – лучи слабого зимнего солнца едва пробивались сквозь сгущавшиеся серые тучи, и Лекси включила по пути несколько ламп. По залу разлился мягкий желтоватый свет. Рассеянно взглянув на висевший над камином портрет, Джереми спросил:

– А кто это?

Немного помедлив, Лекси ответила:

– Моя мама.

Джереми вопросительно посмотрел на Лекси, и она, глубоко вздохнув, начала рассказ:

– После того как в 1964 году здание городской библиотеки сгорело дотла, мама взялась за создание новой библиотеки. Никто больше не отважился этим заняться – ведь все нужно было начинать буквально с нуля. Нужно было не только найти новое здание, но и восстановить книжный фонд, полностью уничтоженный пожаром. Маме тогда было всего двадцать два года, но ее не пугали трудности, и она с энтузиазмом взялась за дело: упорно засыпала власти округа и штата просьбами о финансировании, устраивала благотворительные акции для сбора средств на восстановление библиотеки, осаждала бизнесменов, уговаривая пожертвовать деньги на приобретение книг. Эта работа растянулась на долгие годы, но труды мамы не пропали зря – библиотека, как видите, была восстановлена.

Слушая, Джереми невольно переводил взгляд с Лекси на портрет ее матери и обратно. Сходство было удивительное. Странно, как он сразу не догадался, что это была мать Лекси. Особенно похожи были глаза – необычного цвета, так поразившего его, когда он впервые увидел Лекси на кладбище. Сейчас, рассмотрев ее поближе, он понял, что они были не просто фиалковые, а еще и со светло-голубым ободком по краю радужной оболочки. Такие же глаза

были и у ее мамы, хотя, конечно, художнику было трудно передать всю прелесть этих удивительных глаз.

Закончив рассказ, Лекси заправила за ухо выбившуюся прядь волос. Джереми уже обратил внимание на этот жест. Возможно, он выдавал некоторое волнение. А раз она волновалась в его присутствии – значит, не кто иной, как он сам, был тому причиной. «Хороший знак», – подумал Джереми.

– Ваша мама – удивительная женщина, – сказал он. – Буду рад с ней познакомиться.

На лице у Лекси на секунду появилось какое-то неопределенное выражение, словно она собиралась что-то сказать, но потом передумала.

– Простите, – встряхнув головой, встрепенулась она. – Кажется, я совсем вас заговорила. Ведь вы приехали сюда работать, а я не даю вам заняться делом. Пойдемте лучше туда, – кивнула она в сторону хранилища редких книг, – я покажу помещение, где вам предстоит провести ближайшие несколько дней.

– Думаете, мне потребуется несколько дней?

– Вы ведь хотите найти в наших фондах все, что касается кладбища Седар-Крик, верно? Но должна вас расстроить: далеко не вся информация у нас индексируется, так что вам предстоит долгая и кропотливая работа по выуживанию ее из различных источников.

– Но, я полагаю, этих источников не так уж много?

– Их не так уж мало. Причем это не только книги. В нашей библиотеке (без ложной скромности – моими стараниями) собраны сохранившиеся дневники жителей города, и я подозреваю, что в них вы можете найти кое-что по интересующей вас теме. Мне удалось собрать довольно неплохую коллекцию. Есть даже несколько экземпляров, относящихся к семнадцатому веку.

– Может, вам удалось заполучить и дневник Хетти Дюбиле?

– Увы, нет. Зато у нас есть два дневника, принадлежавшие читателям Уоттс-Лэндинга, причем один из них был кем-то вроде местного историка-летописца. Дневники нельзя выносить из библиотеки, так что вам придется работать здесь. Но сразу хочу вас предупредить: работа будет нелегкой, потому что записи старые и трудно читаются.

– Ну что ж, – сказал Джереми, – я просто сгораю от нетерпения – так хочется за них взяться. Мне нравится решать запутанные загадки.

Лекси улыбнулась:

– Насколько мне известно, в этом вы настоящий профессионал.

Джереми лукаво посмотрел на нее:

– О да! Я вообще во многом профессионал.

– Я в этом не сомневаюсь, мистер Марш.

– Джереми, – сказал он. – Зовите меня просто Джереми.

Лекси насмешливо изогнула бровь:

– Да что вы? Какое странное предложение...

– Ничуть, – возразил он. – По-моему, предложение очень даже хорошее.

– В каком-то смысле, может, и да, – усмехнулась она, – и я, конечно, польщена, но, думаю, мы с вами все же недостаточно знакомы для такого фамильярного обращения.

Она отвернулась, и Джереми не смог сдержать улыбку. Ему уже доводилось сталкиваться с подобными женщинами. Ох уж эти интеллектуалки, привыкшие при общении с мужчинами выпускать коготки! Но Лекси все-таки была не совсем на них похожа – несмотря на все ее ироничные выпады, в ней чувствовались мягкость и добродушие. Может, тут все дело было в ее акценте, манере говорить? Голос у нее был чарующий и мелодичный, казалось, она способна уговорить кошку отпустить мышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.